

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Факультет
«Экономика и управление»

Кафедра
«Государственное управление и
социология региона»

Направление подготовки

38.04.04
Государственное и муниципальное
управление

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
на тему

«Социальное расслоение в современном российском обществе»

Студент гр.153ЭГм1

М.А. Шишкина

Руководитель
к.и.н., доцент

С.И. Неделько

Нормоконтролер
к.с.н., доцент

И.А. Мурзина

Рецензент
Начальник Управления по
регулированию тарифов и
энергосбережению Пензенской области

Н.В. Клак

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от _____ № _____)

Заведующий кафедрой _____ С.И. Неделько

Работа защищена с оценкой _____ (протокол заседания ГЭК от _____ № _____)

Секретарь ГЭК _____ И.А. Мурзина

ПЕНЗА 2018

Содержание

Введение.....	3
1 Теоретико-методологические основы исследования социальной структуры общества.....	10
1.1 Концептуализация понятия социального расслоения в ракурсе социологического исследования.....	10
1.2 Методология социологического анализа социального расслоения общества.....	28
2 Анализ процессов социального расслоения современного российского общества.....	45
2.1 Особенности стратификационных процессов российского общества	45
2.2 Динамика изменений социальной структуры российского общества	61
3 Перспективы сглаживания социального неравенства в современном российском обществе.....	82
Заключение	91
Список использованных источников	96
Приложения	104

Введение

Актуальность темы определяется, прежде всего, тем, что произошедший за годы реформ в России слом социального устройства общества непосредственным образом повлиял на трансформацию социальной структуры и социальную стратификацию населения. Вопрос о неравенстве является фундаментальным для современных обществ. Социальное расслоение – одна из центральных проблем социологии, вокруг нее велось и ведется множество научных и идеологически споров. Главным при этом выступают различия в собственности, власти и статусе. Значимость данной проблемы постоянно осмысливалась в истории социологии. Для описания расслоения, социологи используют теорию социальной стратификации.

Историю человеческих сообществ можно рассматривать как смену одного типа социального неравенства другим, и в этом плане не бывает идеальных сообществ. Социальное равенство – идеал, историческая практика подтверждает, что полное равенство непостижимо. И не только из-за различий собственности и задатков, заложенных в людях самой природой, но и вследствие неодинаковости социального статуса, качества и продуктивности их труда. В этом смысле расслоение неустранимо и лишь меняет свои размеры.

Неоднозначно и влияние расслоения на общество. Стремление занять более высокие положения на лестнице побуждает людей к повышению эффективности и деятельности. Попытки ввести уравнительное распределение лишь подрывают экономическое развитие. Но, превысив определенный уровень, утрачивает свою стимулирующую роль, превращаются в негативный фактор общественной жизни. Чрезмерное богатство, особенно легко доставшееся, как и маргинальная бедность, гасят импульсы экономического развития, порождают социальную напряженность, подрывают политическую стабильность общества.

В каждом конкретном условиях важно найти такое сочетание равенства-неравенства, которое обеспечивает оптимальную меру динамизма и стабильности общества. В той, мере, в какой социальное расслоение благоприятствует экономическому и социокультурному развитию, стабильности общества, его можно считать нормальным. Оно становится избыточным, когда ослабляет стимулы экономической деятельности, создает очаги напряжения, чреватые социальными напряжениями.

Наибольшую остроту проблема избыточного социального расслоения приобретает в период общественных трансформаций. Особое обострение происходит во время кризисов. Мировой финансовый кризис 2008-2009 годов – экономический кризис проявился в ухудшении основных экономических показателей в большинстве стран. Поэтому в последнее время проблемы социальной дифференциации и, в особенности, социального расслоения привлекают пристальное внимание российских социологов. Это определяется не только чисто научным интересом, но и озабоченностью состоянием российского общества, перспективами развития страны и ее положения в мире.

Складывающийся образ современной России как страны, разделенной на очень бедных и очень богатых, не способствует ни поддержанию достигнутой в последние годы относительной социальной стабильности, ни укреплению авторитета страны как одного из ведущих членов мирового сообщества.

Теоретическая разработка проблем социального неравенства активно осуществляется в рамках исследования отечественных и зарубежных экономистов, социологов, юристов, философов, психологов и политологов. Сложность и многогранность феномена неравенства, противоречивость его влияния на общество в целом, тех или иных социальных групп, факторов социально-политического взаимодействия требуют междисциплинарного подхода к анализу проблемы.

Методологические аспекты исследования, связанные с концептуальными подходами к теории государства, политической власти, социальных

трансформаций, социального неравенства, политического господства, функционирования политических систем разрабатывались классиками социологии и политологии. Среди них следует назвать труды П. Бурдьё, Э. Дюркгейма, О. Конта, Т. Парсонса, П. Сорокина и многих других.

Проблемы социального неравенства в контексте политических процессов и властных отношений в России исследовали многие социологи и политологи. Прежде всего, необходимо назвать труды Г.И. Авционовой, Н.Н. Римашевской, Л. А. Беляевой, О. А. Кислициной.

Сущность, причины, типы, разновидности проявления, динамика оценок россиян социального неравенства, а также политика государства по минимизации исследовались О.В. Воронкова, М.К. Горшкова, Н.Е. Тихонова, Г.В. Осипов и других.

Свой вклад в исследование экономических основ социального неравенства внесли труды О.И. Шкаратана, А. Ю. Шевякова, А.А. Гусева и многих других. В работах отечественных исследователей В.Ф. Анурина, Б.А. Гешман, В.В. Кривошей, Т.В Меркулова Л.Н. Овчарова раскрывают различные аспекты экономической стратификации, взаимосвязь доходов населения, социального расслоения и экономики страны.

Свои труды отдельным составляющим социального расслоения посвятили Л.А. Беляева, В.Д. Бобков – российской бедности, А.С. Балабанова, Н.П. Кутепова, В.А. Лепехин среднему классу, а О.А. Крыштановская – российской элите. Особое внимание следует уделить трудам Т.И. Заславской, в которых всесторонне проанализировано социальное расслоение в российском обществе.

Таким образом, анализ литературы по интересующей нас проблеме показал, что в зарубежной и отечественной науке создана научная база для дальнейшего углубленного исследования этого многогранного феномена.

В связи с вышесказанным цель магистерской диссертации состоит в анализе состояния и динамике изменений социального расслоения в современном российском обществе.

Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи:

- исследовать концептуализацию понятия социального расслоения в ракурсе социологического исследования;
- изучить методологию социологического анализа социального расслоения;
- выявить особенности стратификационных процессов российского общества;
- проанализировать динамику изменений социальной структуры российского общества;
- разработать перспективы сглаживания социального неравенства в современном российском обществе.

Объектом исследования является социальное расслоение в современном российском обществе.

В качестве предмета исследования выступает динамика изменений социального расслоения в современном российском обществе.

Социологическое исследование изменений, происходящих в области социального расслоения, в современном российском обществе основано на использовании целого комплекса общенаучных и социологических методов: структурно-функционального, институционального, сравнительного анализа, а также научного обобщения.

Методологической основой магистерской диссертации выступили социологический метод сравнения, который позволил проанализировать тенденции изменений социального расслоения, и системно-структурный анализ, способствующий выявлению из единства и многообразия.

Эмпирической базой исследования послужили данные общегосударственной и региональной статистики, а также результаты

социологических исследований. Автором осуществлен также вторичный анализ результатов социологических исследований по данной проблематике, опубликованных в периодической печати.

Научная новизна исследования заключается в том, что проведен анализ современного российского общества, изучена нормативная документация Российской Федерации и изучен опыт зарубежных стран, а также внесены предложения по минимизации социального неравенства.

Положения, выносимые на защиту:

1. В рамках каждого из проанализированных исследований, выстраивается отличный от других профиль социальной стратификации. Вместе с тем, возможно выявить регулярно воспроизводимые и общие для всех черты. Этот общий для всех профиль современной социальной структуры представляет собой пирамиду с крайне небольшой верхушкой (полпроцента элиты и не более 4 – 5% субэлиты), узким средним слоем (20 – 25%) и широким основанием – базовым и нижним слоями, граница между которыми условна, и их можно рассматривать как один огромный слой, объединяющий большую часть общества.

2. Характерными чертами социальной структуры российского общества являются следующие: крайняя социальная неустойчивость как на уровне процессов, происходящих внутри социальных групп и между ними, так и на уровне осознания личностью своего места в системе социальной иерархии; активный процесс «размывания» традиционных групп населения; становление новых видов межгрупповой интеграции по формам собственности, доходам, включённости во властные структуры, социальной самоидентификации.

3. Социальная структура современного российского общества характеризуется крайней неустойчивостью как на уровне процессов, происходящих в социальных группах и между ними, так и на уровне осознания личностью своего места в системе общественной иерархии. По мнению

большинства социальных исследователей, в современном российском обществе наблюдается отчетливо выраженная тенденция к дезинтеграции социального пространства. Наиболее частые формы дезинтеграции – распад или исчезновение общих социальных ценностей, общей социальной организации, институтов, норм и чувства общих интересов. Одним из следствий изменений социальной структуры является отчуждение низкодходных групп населения от общества, рост недоверия к другим людям и общественным институтам, что негативно влияет на формирование норм и институционализацию нового социального порядка.

4. Обобщенный анализ результатов социологических исследований показывает, что социальная структура в современной России имеет следующую конфигурацию. Около четверти россиян находятся в состоянии малообеспеченности. Около трети населения может, хотя и с некоторой долей условности, считаться российским аналогом формирующегося среднего класса. Доля промежуточного слоя, еще не ставшего средним классом, но вместе с тем успешно выживающего, колеблется в зависимости от региона. К благополучному слою общества присоединяется еще более благополучный, хотя и менее многочисленный слой. Верхние пять процентов, которых россияне считают богатыми, хотя на самом деле это, скорее, верхний средний класс, уже и сегодня все свои социальные проблемы, включая жилищную, достаточно успешно решают самостоятельно. Те, кто вообще не имеет каких-либо ограничений со стороны потребления, также присутствуют в населении страны, хотя и составляют очень небольшую его часть, исчисляемую чаще всего долями одного процента. Кроме того, конфигурация социальной структуры, а, следовательно, и социального неравенства, в значительной степени определяется региональным фактором.

Практическая значимость исследования заключается в том, что имеющиеся в диссертации рекомендации могут быть учтены органами

социальной защиты, государственного и муниципального управления в ходе дальнейшей разработке социальной политики государства.

Магистерская диссертация соответствует всем требованиям, предъявляемым к его оформлению, и состоит из введения, 3 глав, заключения, списка использованных источников и приложений.

1 Теоретико-методологические основы исследования социальной структуры общества

1.1 Концептуализация понятия социального расслоения в ракурсе социологического исследования

Определение процедур и механизмов, которые выступают связующим звеном между структурными продуктами социальных процессов, – необходимо для изучения социальной структуры современного общества. Не хватает констатировать, несколько перефразируя Маркса «люди сами создают свои структуры». Необходимо также показать, как это происходит. Именно затем можно установить обозначенные действия и процессы, которые выступают посредниками объяснения структур, проявленных в обществе, а, следовательно, осуществить второе обязательное направление структурного объяснения: дать объяснения не только действиям – через структуры, но и структурам – через действия [67, с. 25].

При изложении системы расслоения между группами людей в современной научной литературе используют понятие «стратификация». Под стратификацией понимается, что определенные социальные отличия между людьми получают характер иерархического ранжирования. Неоднократные исследования указывают, что воздействие факторов, таких как информатизация, урбанизация, индустриализация увеличивают социальную дифференциацию.

Понятие «стратификация» (*stratum* – слой, *facio* – делаю) вошло в социологию из геологии, в котором оно обозначается как расположение пластов различных пород по вертикали. Но при изучении социальной стратификации геологическая аналогия не показывает полной картины [67, с.

26]. Установлено, что породы земли не взаимодействуют между собой. Также слои земли не способны перемещаться относительно других, а в социальной иерархии такое возможно. Параллель между структурой земли и структурой общества не даст результата, если мы не учтем особенность социальной стратификации – она построена на принципе неравенства. В настоящее время социологи единого мнения о том, что стратификация воплощает собой социальное неравенство больших групп людей, но рознятся в трактовке причин ее возникновения, отношения между ее составляющими компонентами и условия расчленения.

На сегодняшней день в социологии наиболее распространены три типа теорий стратификации:

Первое измерение социальной структуры – то, которое было в центре научных интересов Э. Дюркгейма и представителей классической школы функционалистов, – нормативное измерение: сеть характерных для общности норм, ценностей и институтов. Внешние, объективированные, принудительные для всех членов общества социальные факты и коллективные представления, указывающие, что должно быть, можно вслед за Дюркгеймом и функционалистами истолковать как реальные, конкретные действия людей. Такая стратегия объяснения снискала себе огромную популярность [40, с. 67]. Поэтому, как пишет современный социолог О. И. Шкаратан, нормативная структура – наиболее глубоко и всесторонне изученное измерение социальной структуры [82, с. 19].

Второе измерение структуры – то, которое является особо важным для феноменологов от М. Шелера и до А. Шюца. Это идеальное измерение – связанная с данным коллективом и распространенная в нем совокупность идей, убеждений, взглядов, образов. В отличие от норм и ценностей, они не обладают принудительной силой, но являются категорическими, устанавливающими. Убеждения и взгляды, независимо от того, истинны они или ложны, создают специфический для данного общества мыслительный горизонт, влияющий на

совершаемые людьми действия. Особое значение имеют здесь убеждения, касающиеся своего общества и собственного места в нем, иными словами, социальное самосознание. Идеальной структуре принадлежит существенная, но, опять же, не исключительная роль в формировании хода общественной жизни [64, с. 154].

Третье измерение социальной структуры подверг внимательному анализу Г. Зиммель, а в современной социологии – авторы из круга сторонников так называемой теории обмена или социального бихевиоризма. Здесь речь идет об интеракционном (или, если это для кого-то предпочтительнее, – организационном) измерении: связанных с данной общностью и типичных для нее взаимно сориентированных действиях. Форма, «геометрия» интеракционных каналов или связей, объективированная, внешняя относительно отдельных личностей, существенно влияет на шансы появления конкретных интеракций между ними. Интеракционная структура во многом определяет, следовательно, то, с кем и относительно кого члены общества предпримут действия.

Четвертое и последнее измерение структуры оказалось в центре исследований К. Маркса и М. Вебера, а затем – плеяды исследователей классов, социального расслоения и власти. Это измерение, касающееся различных и связанных интересов (или – для кого что предпочтительнее – жизненных возможностей), а, следовательно, распределения доступа к общественным благам: к богатству, власти, престижу, знаниям и т.п. [64, с. 159].

Своеобразно и для большого количества исследователей особенно поразительно свойство этого измерения структуры состоит в том, что оно логически неизбежно формирует иерархические расслоения между людьми, из-за чего появляются социальные конфликты. Значимость явлений расслоения и конфликтности в общественной жизни продемонстрировалось в том, что многие социологи (особенно, связывающие себя с веберовской или марксистской традициями) исследование структуры общества равняли с

исследованием социального расслоения. Но это ограничение блокирует возможности познания того, каким образом интерференция со стороны других измерений структуры существенно модифицирует исторические формы расслоения и их социальные последствия.

Мы хотим отметить: эти разграничения имеют аналитический характер; четыре выделенных измерения социальной структуры – нормативное, идеальное, интеракционное и измерение интересов – не являются обособленными и независимыми. Наоборот, они тесно взаимосвязаны, скреплены своеобразной «структурой структур», другими словами «метаструктурой», или структурой второго порядка. Каждое отдельно взятое измерение структуры значительным образом влияет на любое другое и одновременно находится под воздействием всех остальных. Часть из этих межструктурных связей уже давно были отмечены и исследовались социологами. Другие пока что описываются в нашей четырехмерной модели как аналитическая возможность, которая указывает на неосвоенные до сих пор направления исследований.

Как писал К. Маркс, что при любом экономическом строе есть господствующий класс, владеющий средствами производства, и класс угнетенных, работающий на собственников. Часть общества – люмпены – люди, полностью отторгнутые обществом. Поэтому у К. Маркса и Ф. Энгельса возникла идея считать расслоение следствием несправедливых социально-экономических отношений между эксплуатируемыми и эксплуататорами.

Основная идея взглядов М. Вебера является в том, что индивид является субъектом действия, а типичский индивид – субъектом социального действия. В противовес К. Марксу М. Вебер кроме экономического аспекта неравенства учитывал такие аспекты, как власть и престиж. Вебер рассматривал собственность, власть и престиж как три отдельных, взаимодействующих фактора, которые лежат в основе иерархий в любом обществе [38, с. 19].

Отличия в собственности порождают экономические классы; отличия, имеющие отношение к власти, порождают политические партии, а престижные отличия дают статусные группировки, или страты. Исходя из этого, М. Вебер сформулировал свое видение о «трех автономных измерениях стратификации». Он указывал, что «классы», «статусные группы» и «партии» – явления, относятся к сфере распределения власти внутри сообщества [17, с. 65].

Подвергая анализу принципиальные подходы, продемонстрированные М. Вебером и его сторонниками к определению социальной структуры, в ряде пунктов обнаруживается и близость к марксизму, и значительные отличия от него:

1. В частности, у М. Вебера в основе любой стратификации (отнюдь не только в политической сфере) лежит распределение власти и авторитета. В противовес марксистам властные отношения не увязываются жестко с отношениями собственности, а в противовес функционалистам несут в себе явные элементы конфликтных начал.

2. Центр тяжести переносится со ставших структур на системы социального действия, на становящуюся структуру. При этом внимание фокусируется на типологических характеристиках индивидуального действия.

3. Утверждается плюралистический подход к анализу социальной структуры. Понятиями «класс», «статус» и «партия» обозначаются три относительно самостоятельные плоскости экономической, социокультурной и политической стратификации.

4. Изменяется понимание «экономического класса». Отношение к собственности становится частным критерием. Акцент же делается на рыночные позиции групп. Класс объединяется типичными шансами (lifechances) на рынках товаров и рынке труда.

5. Жизненные шансы социальных групп определяются не только их текущим положением на разных рынках, но рассматриваются как продукт специфических карьерных возможностей. Перспективы социальной

мобильности становятся внутренним моментом определения положения разных групп.

6. Наиболее интересным и сложным моментом становится анализ статусных позиций, определяемых престижем образования и профессии, стилем жизни, социокультурными ориентациями и нормами поведения, а также выявление их связи с рыночными позициями. Статусные группы являются реальными общностями, осуществляющими коллективное действие, в противоположность классам, представляющим лишь возможную основу совместного действия [17, с. 72].

Исходя из вышесказанного приходим к выводу, что к преимуществам веберовского подхода можно отнести его разностороннюю сбалансированность. Он позволяет включать конфликтные и функциональные элементы; выявлять социальных акторов, не теряя при этом структурных рамок, в которых они действуют; вносить в стратификационный анализ динамические элементы. М. Вебер учитывал экономический аспект стратификации, а также власть и престиж.

Импульсом для большего распространения многокритериальной стратификации явились труды П. Сорокина. Он разработал самостоятельную концепцию и напечатал ее в книге «Social mobility». Ученый определил социальную стратификацию как: «Социальная стратификация – это дифференциация некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличия и отсутствия социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества. Конкретные формы социальной стратификации разнообразны и многочисленны. Однако все их многообразие может быть сведено к трем основным формам: экономическая, политическая и профессиональная стратификации. Как правило, все они тесно переплетены. Социальная

стратификация – это постоянная характеристика любого организованного общества».

П. Сорокин представляет мир как социальную вселенную – пространство, наполненное социальными отношениями, образующими многомерную систему координат. В ней обособливаются две главные оси – ось X (горизонтальная мобильность) и ось Y (вертикальная мобильность). Мобильность – это изменение индивидом или целой группой места в социальном пространстве, которое включает экономическое, политическое или профессиональное подпространства. Если индивид перешел из низшего класса в средний увеличил свои доходы, то он осуществил переход, переместился в экономическом подпространстве; если изменил профессию или род деятельности – в профессиональном, партийную принадлежность – в политическом. Три подпространства социального пространства можно также называть системами стратификации. В результате мы имеем три системы социальной стратификации – экономическую, профессиональную и политическую. Следовательно, можно сказать, что социальная стратификация представляет расслоение людей на классы, а можно сказать, что она определяет, как личности размещаются в социальном пространстве в соотношении со своими иерархическими рангами. Основа стратификации – неравномерное распределение прав и привилегий, ответственности и обязанностей, власти и влияния [75, с. 117].

Итак, П. Сорокин выделяет вариации социальной стратификации: экономическую, политическую, профессиональную. В основе – неравномерное распределение ответственности и обязанностей, прав и привилегий, власти и подчинения. Ее подвид – экономическое расслоение, то есть разные экономические статусы, другим образом, факт экономического неравенства. Политическая дифференциация описывает систему иерархических рангов, включающая почести, авторитеты, власть, престиж. Профессиональная дифференциация – деление населения по родам деятельности, профессиям и

занятиям. Для экономической стратификации свойственны два явления, которые Сорокин называет «флуктуациями»:

1. обогащение и обеднение группы любого общества;
2. уменьшение и увеличение высоты экономической пирамиды [75, с. 122].

Проанализировать колоссальный статистический материал, П. Сорокин первым доказал, что в истории не существует устойчивых тенденций, то есть население Франции, Америки или России с годами не становится богаче или беднее. Минус и плюс со временем меняются местами. В становлении, какого бы то ни было общества, фазы обогащения меняются фазами обнищания. П. Сорокин полагает, что общество, должно усвоить простую истину: либо плоская пирамида всеобщего равенства и умеренной нищеты, либо преуспевающее общество с неизбежным неравенством. Когда степень экономического неравенства подходит к «точке кипения», общество придет к социальным революциям, смена правящей верхушки, восстания, иначе говоря, тревожный период жизнедеятельности. Когда расслоение достигает максимума (такое состояние ныне именуется усилением социальной поляризации), следует социальная катастрофа – революционно-уравнительная лихорадка. Вероятны здесь две развязки: или общество единовременно возвращается к стандартной форме стратификации, или движется к ней через «большую катастрофу». Первый путь ближе к реформам, второй – к революции [75, с. 132].

Т. Парсонса внес большой вклад в проблему стратификации, хоть и не занимался ею специально, однако именно он сформулировал ряд положений о социальной стратификации в самой высокой степени обобщения. Т. Парсонс полагал, что сущностью стратификации в любом обществе является относительная моральная оценка, система ценностей, в терминах которой оцениваются различные социальные единицы. На такую оценку повлияла уорнеровская традиция и его системы субъективных оценок. Затем он создает классификацию условий, в соответствии с которыми тот или иной вид

деятельности или те или иные человеческие качества оцениваются выше, чем другие. Эти условия зависят от главной тенденции данного общества, которая заключается в том, что общество стремится к достижению поставленных целей или же акцент делается на сплочение и интеграцию [66, с. 361].

Подчеркнем, что отечественные ученые спорят об уместности теории стратификации и сейчас. В разные годы можно увидеть точки зрения, которые не сходятся с общепринятой позицией. Как пишет М.Н. Руткевич, в конце 1950-х гг. «взоры социологов поневоле устремлялись к получившим развитие на Западе теориям социальной стратификации, пытавшимся, каждая на свой лад, объяснить деление общества на различные по положению слои (страты). Поскольку многие сторонники этих теорий открыто или подспудно противопоставляли свои схемы марксистской теории классов, термин «стратификация» был подвергнут в советской научной литературе критике. Она отчасти была справедливой, поскольку деление общества на слои противопоставлялось делению на классы, методологическая основа этих теорий была весьма уязвима. Общество делили на слои (страты) по различным критериям, подчас произвольным, не пытаясь установить внутреннюю связь между ними, а тем самым и «нарезанными» согласно этим критериям слоями».

Под расслоением, обычно, понимается различный доступ больших социальных групп людей (классов, страт, каст, слоев, сословий) к экономическим ресурсам, социальным благам и политической власти. Неравенство существует во всех обществах. Классически неравенство измеряют двумя показателями – богатство (запас активов) и доход (поток денежных поступлений в единицу времени). Все общества, за исключением простейших – охотников и собирателей, характеризуются всеми тремя типами неравенства, выделенными М. Вебером в понимании власти: неравенство вознаграждения, неравенство статусов, неравенство доступа к политической власти [17, с. 254].

Социальная иерархия положений и социальное расслоение описываются и исследуются различными моделями стратификации. К данной проблеме выделяют два подхода. Сторонники первого направления основываются на критерии одного доминирующего признака, и называют их сторонниками одномерной стратификации. Р. Миллс – автор известной книги «Властвующая элита» утверждал, что власть – основной компонент в социальных отношениях. Один из сторонников теорий одномерной стратификации – Д. Бернхем. В своей книге «Революция управляющих» он изложил передачу функций управления из рук капиталистов в руки менеджеров. Социолог полагает, что революция менеджеров началась в России, где общество управляющих сменило капиталистическое общество.

Тем не менее, в современной социологии превалируют представители теорий классов и страт, которые основываются на множественности критериев. В соответствии гипотезе, Г. Ленски, степень неравенства в различные исторические эпохи различна. Большим неравенством характеризовались эпохи рабовладения и феодализма. Меньшая степень неравенства была в промышленном обществе. Г. Ленски поясняет меньшей концентрацией власти у управляющих, наличием демократических правительств, борьбой за влияние между профсоюзами и предпринимателями, высоким уровнем социальной мобильности и развитой системой социального обеспечения, повышающая жизненный уровень неимущих до определенных, вполне приемлемых норм [80, с. 175].

В современной социологии наибольшее преобладание имеют представители теорий классов и страт, которые основываются на множественных критериях. Они в большей степени опираются на традицию, основанную М. Вебера. Также благодаря и трудам П. Сорокина многокритериальная стратификация получила еще наибольшее распространение. Еще в своих первых трудах он говорил, что класс является кумулятивной, нормальной, солидарной, полузакрытой, но с приближением к

открытой, типичной для нашего времени группой, составленной из кумуляции трех основных группировок – профессиональной, имущественной, объемно-правовой. С точки зрения П. Сорокина, класс – это совокупность лиц, сходных по профессии, по имущественному положению, по объему прав, а, следовательно, имеющих тождественные социально-правовые интересы. Тут рекомендуется плюралистский, многофакторный подход к общественным классам. Даже в более поздних работах П. Сорокин остался представителем многофакторных критериев.

На западе стратификация исследуется на трех уровнях: 1) культуры, образующей ценностно-нормативный уровень регуляции поведения людей; 2) социальной системы, или системы взаимодействия людей, образующей различные формы групповой жизни; 3) поведения личности и ее мотивационной сферы [40, с. 194].

Определенные формы социальной стратификации появляются на пересечении двух основных, факторов – социальной дифференциации и господствующей системы культурных стандартов и социальных ценностей. Т. Парсонс, который заложил основы теоретического анализа социальной стратификации, выделял три группы дифференцирующих признаков. Первую формируют характеристики, имеющиеся у людей от рождения (половозрастные особенности, родственные связи, этническая принадлежность, физические и интеллектуальные особенности). Вторую группу образуют признаки, которые реализуют роли. Здесь собраны разные виды профессионально-трудовой деятельности. Третья группа создана элементами «обладания», сюда относятся материальные и духовные ценности, товары собственности, привилегии.

Следовательно, социальная стратификация формируется с веберовского разграничения традиционных обществ, которые основываются на статусах (к примеру, обществ, которые имеют в своем происхождении такие предписанные категории, как сословия и касты, рабство, вследствие чего неравенство разрешено законом) и поляризованных обществ, которые более размыты и

имеют в своем фундаменте классы (что типично для современного Запада), где более значимы личные достижения и экономическая дифференциация имеет безличный характер и первоочередна.

И К. Маркс, и П. Сорокин, не смотря на различие специфики и путей оценки социальной стратификации полагают, что экономическая стратификация – основа всего разнообразия стратификации людей в обществе.

Проанализировав существующие подходы в исследовании социальной стратификации в научной литературе, мы делаем вывод, что на Западе социальную стратификацию зачастую уподобляют социальному расслоению, выделяя в ней две основные черты. Первая сопряжена с разделением населения в иерархически образованные группы – высшие и низшие слои (классы). Вторая заключается в неравном распределении социокультурных благ и ценностей, список которых достаточно обширен.

Таким образом, по мнению П. Сорокина выделяется четыре группы факторов, которые выступают объектом социального неравенства: права и привилегии, власть и влияние, обязанности и ответственность, социальное богатство и нужда. Они и сейчас являются отправной точкой для концептуализации типов социальной стратификации. Как раз социальное неравенство является исходным пунктом в концепции социальной стратификации и дальнейшем исследовании социальной структуры общества [75, с. 295].

В марксистской теории, напротив, акцентируется внимание на движение отношений между классами – основными субъектами общественного развития. При этом вопросы социального неравенства рассматриваются крайне редко, а когда рассматриваются, то затрагивают лишь экономическую сферу, условия труда и быта или же уровнем заработной платы. В случае если разговор заходит о привилегиях, которые доступны представителям тех или иных классов, они рассматриваются только в качестве элемента производственных отношений.

Однако в последнее время происходит тенденция связывания привилегий с властными полномочиями.

С экономической стратификацией и экономическим неравенством социальных групп сопряжены два ведущих вида флуктуации в социальной динамике общества: первый из них относится к росту или падению экономического положения социально организованной группы, второй – к экономической стратификации внутри самой социальной группы. Эти флуктуации высоты и профиля экономической стратификации обуславливают политическую неравновесность и динамизм развития общества, а также тенденцию к общему углублению социально-экономической дифференциации внутри и между самими социальными группами.

Точка зрения К. Маркса здесь заключается в том, что эта тенденция будет со временем вытисняться противоположной, ориентируемой на ликвидацию самой базы экономической стратификации, а, значит, затрудняет стабилизации политического регулирования [50, 29].

Позиция П. Сорокина на темпы и специфику социально-экономической стратификации заключается в том, что, что он исходил из гипотезы постоянных колебаний высоты и профиля экономической стратификации в общей социальной и политической динамике, связанной, прежде всего, с непрерывным видоизменением самого характера деятельности различных субъектов политического действия. Рассматривая внутренний динамизм и неравновесность социально-политических процессов, он говорит о том, что «внутри социальной группы малочисленные, но пока еще не известные нам силы «естественным» образом стремятся усилить экономическую стратификацию, пока не вмешаются силы противоположные, препятствующие этому движению.

П. Сорокин говорит о существовании постоянной тенденции во флуктуациях высоты и профиля социально-экономической стратификации с определенной периодичностью ее колебаний от одной политической группы к

другой, а внутри одной и той же группы – от одного уровня к другому и от одного периода к другому. При этом периодичность этих колебаний сама является весьма неустойчивой и зависит от конкретных форм и способов жизнедеятельности социальных групп и субъектов. Это ясно свидетельствует, и об альтернативном характере и наличии непредсказуемости в развитии политической системы, и о специфической роли и значении субъективного фактора в социально-историческом процессе. Сорокин заявляет, что «в любом обществе в любые времена происходит борьба между силами стратификации и силами выравнивания. Первые работают постоянно и неуклонно, последние – стихийно, импульсивно, используя насильственные методы [75, с. 286].

Анализируя истоки и сущность политического неравенства, социальной стратификации и классовых различий между людьми, американский социолог Н. Смелзер наблюдает их как необходимые внутренние условия жизнедеятельности социальных групп и субъектов в экономике и политике, при которых люди изначально имеют неравный доступ к социальным благам и способам их использования. Изучая природу неравенства, он предпринимает попытку синтеза конфликтологического и функционалистского подходов, рассматривая социальные конфликты и связанные с ними видоизменения отношений между людьми как внутренне детерминированный компонент во всей социальной динамике развития общества, который и обуславливает возможность реализации индивидуально-личностной свободы людей в обществе [73, с. 195].

Таким образом, экономическая стратификация – это ранжирование или дифференциацию основных слоев населения по доходам. Так как из четырех критериев – доход, престиж занятия, власть, образование, которые используются при измерении социальной стратификации, тут учитывается только один, не что иное, как доход, то экономическая стратификация должна изучаться как часть или срез социальной, представляющей более сложное и многомерное явление. Основанием классовой стратификации служит лестница

доходов: бедняки занимают низшую ступень, зажиточные группы населения – среднюю, а богатые – верхнюю.

Экономическая стратификация строится на фундаменте дифференциации: а) всех категорий населения, получающих доходы, включая и пенсионеров, б) только категорий экономически активного населения (занятых в производстве) и в) классов. Первый подход называется расширительным, второй – узким, или строго научным. Обсуждение о том, какой из двух подходов наиболее верно отображает экономическую стратификацию, не утихает в зарубежной литературе и по сей день. Если принимается узкий подход к экономической стратификации, то два явления – социальная стратификация, охватывающая все население, и экономическая стратификация, включающая только занятое население – будут существенно отличаться друг от друга [30, с. 83].

Таким образом, анализируя особенности экономической стратификации, П. Сорокин использует учения В. Парето и К. Маркса.

Суть гипотезы В. Парето о флуктуации высоты и профиля экономической стратификации заключается в утверждении, что профиль экономической стратификации или частность распределения дохода в любом обществе (первоначальное утверждение ученого) или, по крайней мере, во многих обществах (более позднее ограничение Парето) представляет собой нечто постоянное и единообразное и может быть выражено логико-математической формулой. С точки зрения П. Сорокина, она выглядит так: «Пусть X представляет данный доход, а Y – количество людей с доходом, превышающим X . Если мы проведем кривую, ординаты которой логарифм X , а абсцисса – логарифм Y , то кривая для всех изученных Парето стран будет представлять собой приблизительно прямую линию. Более того, во всех обследованных странах кривизна прямой линии по отношению к оси X находится приблизительно под углом 56 градусов. Отклонения не превышают трех-четырех градусов. Так как тангенс 56 градусов равен 1,5, то отсюда: если число доходов, превышающих X , равно Y , то число больше, чем $tx = 7t 16$, каким бы

ни было значение t . Это значит, что форма кривой частности распределения дохода на двойной логарифмической шкале одна и та же для всех стран и во все времена. Мы получаем нечто, напоминающее большое количество кристаллов одинакового химического состава. Это могут быть большие, средние и маленькие кристаллы, но все они имеют одинаковую кристаллическую структуру» [51, с. 27].

Позже он ограничил действие этого закона, утверждая, что его «эмпирический закон», как все «эмпирические законы, имеет мало или совсем не имеет ценности вне тех пределов, для которых он был экспериментально открыт». Нет необходимости приводить все аргументы против закона Парето. Достаточно сказать, что многие компетентные критики показали, что приведенные Парето цифры раскрывают значительные отклонения от его кривой; они также обнаружили, что Парето для доказательства действительности своего закона сделал логические изменения в используемых терминах и что частотность распределения дохода, скажем, в США или других странах в различные времена фактически обнаруживает значительные отклонения от его закона.

Другими словами, как признает сам Парето, при радикальных изменениях социальных условий, например, при вытеснении частной собственности коллективной, при метаморфозах института наследования, при радикальном изменении образования форма кривой трансформируется. Вот, в частности, заключение тщательного математического анализа закона Парето, выполненного Ф. Маколи при участии Э. Бенджамина. Их вывод: Закон Парето совершенно неприемлем как математическое обобщение по следующим причинам: а) конечные фазы распределения на двойной логарифмической шкале не линейны в достаточной степени; б) они могли бы быть более линейными без особого условия, так как многие распределения самых различных видов имеют конечные фазы, приближающиеся к линейным; в) прямые линии, соответствующие конечным фазам, не обнаруживают даже

приблизительного постоянства кривизны от года к году, от страны к стране; г) конечные фазы являются не только прямыми линиями постоянной крутизны, но и неодинаковой формы из года в год, от одной страны к другой.

Трудно представить, что может быть сформулирован какой-либо действенный математический закон, описывающий все распределения. Достаточно показать, что высота и профиль экономической стратификации (кривая распределения дохода) изменяются от страны к стране и с течением времени. Экономическая стратификация может вытянуться или сократиться, стать менее или более крутой.

Суть гипотезы К. Маркса заключается в утверждении того, что в европейских странах происходит процесс углубляющейся экономической дифференциации. Средних экономических слоев становится все меньше, и они постепенно беднеют; экономическое положение пролетариата ухудшается, а одновременно богатство концентрируется у меньшего числа людей. Узкий слой средних классов, обедневший пролетариат у основания и маленькая группа магнатов капитала на вершине пирамиды – таков профиль экономической стратификации, соответствующий марксистской теории общества. Богатые становятся еще богаче, а бедные становятся еще более нуждающимися. Как только устанавливается такое положение, достаточно национализировать богатство меньшинства – и социализм был бы установлен. В этом и есть идея теории катастрофического наступления социализма. Цитируя Маркса, она звучит следующим образом: «мелкие торговцы, владельцы магазинчиков и бывшие лавочники, ремесленники и крестьяне – все становятся пролетариями... в то же самое время продолжается централизация промышленности... один капиталист уничтожает многих... нищета развивается быстрее, чем растет население и богатство» [78, с. 81].

Следовательно, теория, озвученная в середине XIX в., гласит, что изменение высоты и профиля экономической стратификации может быть практически безграничным и потому совершенно нарушает не только кривую

Парето, но и любую другую форму экономической стратификации. Так даже Маркс утверждал, что вышеупомянутая тенденция лишь временная и ее должна выжать противоположная, ориентированная на ликвидацию самой экономической стратификации путем экспроприации экспроприаторов и претворения в жизнь принципов социализма. Следовательно, Маркс предполагал не только возможность, а даже необходимость неограниченного изменения экономической формы социальной организации от чрезвычайно рельефного профиля до абсолютно «плоской» формы общества экономического эгалитаризма. Сегодня не обязательно утверждать ошибочность теории Маркса и ошибочность его предсказаний [35, с. 282].

Подытоживая все выше сказанное, автор делает вывод, что основой любой стратификации, в каком бы значении ни применялось данное понятие, является дифференциация доходов. Размышляя о факторах стратификации и формировании новой социальной структуры России мало, говорить о последствиях перехода к рыночной экономике или кризиса отдельных отраслей или предприятий в условиях структурной перестройки. С этим большинство населения все-таки успешно справляется на личностном уровне. Основная мысль в том, что переход к рыночной экономике требует новой системы мышления и новой системы оценок себя и окружающего мира, нового понимания ценности и эффективности различных стратегий выживания, желательных и поощряемых обществом качеств, принципиально отличающихся от тех, что были раньше. Системные, объективные факторы стратификации выступают как рамки, ограничители, социальный заказ экономики населению. Индивидуальные факторы объясняют способность человека соответствовать этому заказу и соответственно этой способности занять определенное место в новой России. Они не существуют отдельно друг от друга, но там, где спектр возможностей достаточно широк и человек свободен в своем выборе, индивидуальный фактор имеет решающее значение.

1.2 Методология социологического анализа социального расслоения

Проблема изучения социальной структуры общества в современной социологии переживает ощутимый теоретический кризис. В настоящее время теории социальной структуры – классовая и стратификационная, имеющие как неоспоримые теоретические и практические преимущества, так и не менее очевидные недостатки, которые реализуются в одном элементарном положении: они обе достаточно посредственно работают на современном российском материале. В настоящее время уже никто не сомневается, что мир на пороге принципиально новой социальной эпохи. Как ее не назови: постиндустриальное, информационное или бесклассовое общество – любая вариация трактовки неминуемо порождает набор довольно похожих характеристик. Классовая теория, на отечественном материале, которая показала сближение социально-классовых групп при единовременном нарастании внутриклассовых отличий, и стратификационная, энтузиазм которой направлен как раз на изменение удельного веса различных социальных слоев (переход от пирамидальной структуры общества к ромбовидной), каждая по-своему интерпретировала магистральное направление коренной трансформации структуры общества в течении XX в. И дело тут не в отрицании именно существования классов, а в утере классовым делением функции основания для структурирования общества. Таким образом, в буржуазном обществе сохраняются реликты сословного деления (дворянство, например), но уже не они являются структурообразующим фактором [40, с. 84].

Преобразования помогают ее последующей дифференциации за счет пауперизации одних и обогащения других и общей прагматизации сознания.

Для наиболее детального отображения данных процессов, которые включают институциональные аспекты, автор обращается к особенно распространенной концепции социальной структуры. Мы не ставим перед

собой задачу детального исследования этой концепции и выявления ее эвристического потенциала для анализа социальной трансформации России. Но следует отметить следующие моменты.

1. Важнейшими критериями статуса социальных групп и социальной стратификации являются: политический (объем властно-управленческих функций), экономический (собственность, доходы и уровень жизни) и социокультурный (образование, квалификация, профессионализм, образ и качество жизни) потенциалы социальных групп, которые отражаются в социальной значимости.

2. Сегодня, пожалуй, экономический потенциал общественных групп включает три компонента: производящим доход, владение капиталом; причастность к процессам распределения, перемещения и обмена общественного продукта; уровень личных доходов и потребления. Однако, владение капиталом хоть и играет существенную роль в дифференциации российского общества, близость к «общественному пирогу» (то есть к государственным ресурсам) играет большую роль, чем когда-либо. Этот критерий нельзя операционализировать, следовательно, измерить степень причастности разных экономических, профессиональных и должностных групп к распределительным механизмам достаточно сложно. Неудивительно, что по этому признаку будут выделены те же самые группы, что и раньше: руководители государственных и смешанных предприятий, а именно акционерных обществ, ответственные работники и специалисты торговли; служащие материально-технического снабжения и профессионалы бизнеса. Исследование социально-классовых отличий приобретает особую значимость, потому что в современной России не наблюдается зависимости между культурным, политическим и экономическим статусом. Российская наука в данный момент не имеет надежного знания социальной структуры общества [22, с. 17].

У ученых и сегодня нет общего мнения о критериях оценки результатов трансформации общества. Замечая похожие закономерности, ученые достаточно часто оценивают их противоположно. Существуют оптимисты, которые считают движение России к цивилизованной рыночной экономике и политической демократии гарантированным, основываясь исключительно на вере в рациональность людей и неэффективность коррупции. Другие делают выводы о либерализации ценностей массовых групп россиян, а наблюдающийся рост их самостоятельности рассматривают как «один из ключевых признаков движения к либеральному обществу [67, с. 201].

Следует заметить, что особенность современных трансформационных процессов – охватывание всех уровней общественной вертикали: общенациональный, региональный, локальный, групповой, индивидуальный. Чем больше мы спускаемся на нижние «этажи» контроль над этими процессами у центральной власти снижается. Появляются диссонанс и несовпадение в понимании конкретных вопросов, интересы властного центра зачастую отличаются от интересов региональных элит, местных общностей, отдельных организаций и граждан. Следовательно, происходит усложнение управления трансформационными процессами, контролем и прогнозированием их результатов.

Для лучшего понимания, в какую сторону перемещается общество и к чему оно придет, пояснить движущие силы, закономерности, этапы, достигнутые и вероятные результаты его трансформации, принципиально понимать соразмерное представление о внутренних социальных механизмах трансформационных процессов. Итак, в концепции трансформационного процесса эта категория является центральной. В аналитическую схему социального механизма трансформационного процесса автор вводит новое понятие «трансформационная структура общества». Доказательство этого термина является значимой методологической находкой автора, оно помогает значительно расширить возможности научного осмысления механизмов и

траектории современного трансформационного процесса. Это понятие обозначает систему социальных субъектов макро-, мезо- и микроуровня, их взаимодействие движущаяся сила преобразования общества. Необходимость в исследовании этой структуры обуславливается стремлением понять, какие социальные силы – осознанно или неосознанно – содействуют модернизации общественного устройства или его стагнации и деградации, каковы их интересы и внутренняя структура, какими ресурсами они располагают и как добиваются своих целей.

Здесь не хватает знать стратификационную структуру общества для понимания социального механизма, движущих сил и перспектив общественных перемен. Трансформационная структура формируется под влиянием не только социальной стратификации, но и социально-политической и культурной дифференциации, отражающей различия в субъективной мотивации и содержательной направленности трансформационной активности субъектов. Если социальная структура описывает «анатомию» общества, то трансформационная – его «физиологию», способ функционирования и развития. Трансформационная структура отображает системное качество общества, которое существенно в периоды кардинальных перемен, его дееспособность как субъекта самореформирования и саморазвития. Результативность этой структуры объясняется соотношением социальных сил, которые способствуют углублению и закреплению либерально-демократических преобразований, или сохранению и возрождению институтов советского типа, или же расшатыванию институциональной системы. Т.И. Заславская называет меру этого качества инновационно-реформаторским потенциалом общества [41, с. 6].

Следовательно, концепция Т.И. Заславской, по мнению автора, дает основания считать, что общее направление социетального преобразования России определилось («дилемма «план или рынок» утратила смысл»), но вопрос о возможном типе рыночных отношений и степени демократичности

политического строя остается неразрешенным. Этот подход делает актуальным вопрос о выборе системы индикаторов для оценки промежуточных итогов трансформационного процесса. В концепции Т.И. Заславской социетальное качество общества характеризуется тремя элементами: социальной структурой, совокупностью базовых институтов и человеческим потенциалом [41, с. 47].

В результате исследования социальной структуры разнообразными школами были сформированы два подхода. Первый из них можно установить, как структуралистский, который получил развитие преимущественно в Западной Европе. Создатели его идут от анализа различных структур к обнаружению исполняемых ими функций (Э. Дюркгейм, Б. Малиновский, А.Р. Радклифф-Браун и т.д.). Второй подход определяется, как функциональный, когда постулируется определенная совокупность функциональных требований и только тогда выявляются различные структуры, осуществляющие эти функции. Родоначальник этого направления (структурно-функциональной школы) Т. Парсонс. Как наиболее видного представителя структурного функционализма следует упомянуть Р. Мертона, а в России – Ю.А. Леваду. Связывают эти два подхода концептуальные моменты:

1. Общество рассматривается как система, в которой ее части определяются, исходя из их функции или значения для целого.
2. Определяющий интерес представляет описание и объяснение внутренних отношений и строения системы, морфологические аспекты.
3. Проблемы влияния внешней среды и исторического развития считаются менее значимыми, чем внутренние отношения [87, с. 61].

Большое количество ученых акцентируют внимание на такие свойства структуры, как устойчивость и повторяемость системы связи элементов в рамках целого. Они указывают на необходимость выявлять характер взаимозависимости элементов и их вклада в функционирование и изменение рассматриваемой целостности.

И поэтому в центре внимания лидеров школы социальной антропологии было изучение функции, которой владеет конкретный общественный институт в рамках совокупного организма (племя, община, конкретно-историческое общество) и которую она выполняет в целях его сохранения. Но структурализм не давал должного внимания причинным механизмам, считая, что социальные структуры действуют определенным образом, чтобы сохраниться в каком-либо стабильном состоянии. Интерес Радклиффа-Брауна и Малиновского к функционалистской объяснительной модели, по мнению ученых, был связан с их желанием понять жизнь традиционных обществ, которые исследовали антропологами-этнографами. Анализ их заключался в поиске функций, изучаемых культурные явления, выполняемые в конкретно-историческом обществе.

Однако для конструирования высокой теории нужно подойти к проблеме соотношения структуры и функции по-другому. Начать необходимо с утверждения определенного количества необходимых и достаточных функций, которые обеспечивают воспроизводство любой социальной системы, и только потом идентифицировать те субструктуры (или части) социальной системы, которые их выполняют. Именно такой был подход известного американского социолога Т. Парсонса, развившего функционалистское направление в общую теорию общества. В 1950-1960 гг. именно его исследования стали целой эпохой в послевоенном развитии социологии и определили облик этой науки. Т. Парсонс, который явился основоположником структурно-функционалистской школы, построил теоретическую модель социальной системы [54, с. 19].

Широко развертывающиеся социальные взаимодействия порождают сеть социальных отношений, организованную (гомеостазис) и интегрированную (равновесие), благодаря наличию общей ценностной ориентации (централизованной системы ценностей) таким образом, что она оказывается способной стандартизировать отдельные виды деятельности (роли) внутри себя самой и сохранять себя как таковую по отношению к условиям внешней среды

(адаптация). Социальная система, следовательно, представляет собой систему социального действия, но лишь в самом абстрактном смысле слова.

В связи с этим Т. Парсонс писал: «Поскольку социальная система создана взаимодействием человеческих индивидов, каждый из них одновременно и деятель (actor), имеющий цели, идеи, установки и т.д., и объект ориентации для других деятелей и для самого себя. Система взаимодействия, следовательно, есть абстрактный аналитический аспект, вычленяемый из целостной деятельности участвующих в ней индивидов. В то же время эти «индивиды» — также организмы, личности и участники систем культуры». Парсонс заслужено отмечает, что его представление об обществе коренным образом отличается от общепринятого восприятия его как совокупности конкретных человеческих индивидов [66, с. 391].

Критики давно подмечают немало уязвимых сторон, хотя эта оригинальна концепция общества плодотворна для раскрытия его внутренней структуры. Важно, что в рамках этого подхода нельзя дать объяснить социальные изменения и конфликты. Правда, в рамках функционализма была предпринята (неоэволюционистская по своей направленности) попытка перенести акцент с изучения стабильных аспектов функционирования социальных устройств на анализ процессов развития, источник которых усматривался в возрастающей структурной дифференциации, то есть в последовательном и поэтапном усложнении социальной структуры. Конечный вывод данного научного направления таков: общество только тогда может нормально функционировать, когда укрепляется взаимозависимость его элементов и растет сознательный контроль за поведением индивидов, когда и механизмы, и структуры обеспечивают устойчивость социальной системы. Общество является саморегулирующейся системой: ее функциями оказывается то, что укрепляет, консервирует структурную решетку общества, а то, что его расшатывает, разрушает, именуется дисфункциями, препятствующими интеграции и самообеспечению общества.

Социальная структура, по Т. Парсонсу, это совокупность сложившихся в данном обществе норм и вытекающих из этих норм требований к поведению представителей тех или иных социальных групп. Поведение человека и социальной организации обуславливается нормативными предписаниями и ценностями, каковые и образуют высший уровень регулятивного механизма социальных процессов. Это ключевые подходы к теории социальной структуры, которые сложились в социологической науке [66, с. 394].

Следовательно, социальная структура – это качественная определенность общества, поэтому изменение первой выражает коренной, качественный сдвиг во второй. Структура социального объекта обеспечивает необходимую устойчивость в функционировании взаимосвязанных социальных элементов (то есть групп и институтов), которые позволяют накапливать количественные изменения вплоть до момента, когда наступает историческая необходимость структурных сдвигов в обществе. Относительный консерватизм социальной структуры выступает как момент динамизма общественных процессов в целом. Необходимо учитывать особенности складывания и развития социальных структур конкретных обществ в сходных технолого-организационных и социально-экономических условиях. Конкретные общества выступают как некие целостности, в рамках которых и происходит воспроизводство материальных средств существования и самого человека. В этом смысле мы называем данные целостности «социальными организмами», поскольку их основной функцией является обеспечение вступающим в контакты людям необходимых условий для воспроизводства средств существования и самовоспроизводства.

В число таких условий, как полагают социологи, входит: единство территории, единство экономической жизни, общность языка (или наличие языка, служащего, наряду с другими, средством общения), единство социальных норм, стереотипов и ценностей, позволяющих группам людей устойчиво взаимодействовать, и т.д. Аналогичными социальными организмами

в современном обществе необходимо признать национально-государственные общности. Отличительно от других социальных совокупностей, что они охватывают взаимоотношения и взаимосвязи классов и иных социальных групп, выявляя в них общее, а не особенное. Их важнейшая функция – объединение социальных групп в определенную целостность, в рамках которой могут происходить социальные взаимодействия, осуществляться социальные процессы [62, с. 184].

Таким образом, определение «социальная структура» используется в узком смысле, когда оно отождествлено классовыми отношениями, а в широком, когда в ее состав дополнительно включены профессиональные, территориальные, этнические и демографические общности. Вполне естественно, что при обращении к широкому объяснению социальной структуры появляется вопрос, не является ли она аналогом социальной стратификации, раз несколькими социально-дифференцирующих признаков описывают ее становление, делая многомерной.

Автор считает, что широкая трактовка более совместима с целями социологии, так как картина социальных процессов получается более полной и реалистичной. Увы, не существует адекватной методологии, которая позволяет операционализировать и измерить те понятия, с помощью которых описываются определенные параметры социальной структуры. Входящие в содержание социальной структуры понятия («класс», «нация», «профессия») чаще всего трактуются как категориальные образования, фиксирующие отличие одного явления от другого. Однако они не выступают и не могут выступить в роли измеряемых переменных. По этой причине социологи ограничиваются философской трактовкой статистических данных, рассыпанных по различным сферам социальной структуры – классовым, территориальным, профессиональным, демографическим, этнографическим группам. Если говорить, что рабочий класс включен в демографическую, профессиональную, территориальную и этническую структуры общества, то

подразумеваются здесь весьма тривиальные вещи, которые описываются известным тезисом о детерминирующей роли классов по отношению к другим элементам социальной структуры. Занимая в ней центральное место, классы и классовые отношения пронизывают профессиональные, территориальные, этнические отношения.

Еще один недостаток классового подхода в сопоставлении с концепцией социальной стратификации – игнорирование проблемы социального неравенства. Отсюда его описательность, которая граничит с поверхностностью, и нормативность, обусловленная заданностью социального идеала: стирание грани между городом и деревней, расцвет и сближение наций, ликвидация различий между умственным и физическим трудом, становление бесклассового общества, не говоря уже о важности политического измерения социальной структуры. В обществе люди делятся не только по демографическим или профессиональным признакам, но и по политическим: объему властных полномочий, иерархической соподчиненности, политическим интересам, принадлежности к той или иной партии [17, с. 281].

Традиционное для марксизма трактование собственности как права владения средствами производства, и как социально-экономической категории, которая порождает классовый антагонизм между эксплуататорами и эксплуатируемыми, использование ее сегодня возможно только в узких границах. Категория собственности как центральный критерий социальной дифференциации существенно снизила свои познавательные функции.

Во-первых, система политической власти, которая в марксизме относится к надстройке, формируется сейчас отнюдь не на основе собственности и производственных отношений. У нее совсем другой источник – легитимный, являющийся представительной демократией. На Западе экономика и политика друг от друга отделены.

Во-вторых, правовое государство является третьей силой, которая регулирует отношения между трудом и капиталом. Собственность уже не в том

объеме, определяет способ присвоения продуктов труда, как во времена Маркса, так как государство регулирует взаимоотношения между собственником и наемным работником. Трудящиеся имеют гарантированные государством социальные права – высокий минимальный уровень зарплаты и социальные пособия по безработице.

В-третьих, в природе собственности происходят радикальные изменения. С одной стороны, происходит отделение владения собственностью от распоряжения и управления ею, а значит, увеличивается роль менеджеров, выступающих в качестве совладельцев. С другой стороны, частная собственность в ее прежней, индивидуальной форме потеряла центральную позицию, уступив место групповой, или акционерной собственности [65, с. 96].

По факту каждый индивид может стать, совладельцем собственности, покупая акции той или иной компании. Итак, последним важным критерием дифференциации в современном обществе является характер труда; в соответствии с ним выделяются такие социальные группы, как управляющие, специалисты (инженерно-технический персонал), квалифицированные и неквалифицированные рабочие. На Западе социологическую интерпретацию подобной дифференциации принято сравнивать с уровнем материальных благ и получаемым доходом, являющимися измеряющимися признаками.

В отечественной трехчленной модели классовой структуры, собственность также не имела реального значения, она служила больше идеологической ширмой, которая скрывает действительное первенство социальных групп. Но переход к рыночной экономике, приватизация государственной собственности, вероятно, повысит роль собственности, служащей критерием социальной дифференциации. Рождаются новые социальные группы (Т.Н. Заславская и Р.В. Рывкина насчитали 78 различных экономических групп или субъектов), выступающие в роли экономических субъектов, для которых движущий мотив – это соображения выгоды и пользы – доход, прибыль, рентабельность, капитал. Отношения собственности в нашей

стране не формируются по сценарию раннего капитализма, так как контролируются государством [71, с. 133].

Утверждение о вторичности профессиональной структуры, ее зависимости от классовых отношений и форм собственности лежит на догматической установке; в антагонистическом обществе классовая принадлежность определяет круг профессий, которыми может овладеть человек. Другими словами, ваша профессиональная карьера целиком и полностью зависит от того, являетесь вы собственником средств производства или нет. Если это капиталистическое общество, то ваше профессиональное будущее зависит от принадлежности к рабочему классу, капиталистам или мелкой буржуазии.

Однако и в обществе, лишенном антагонизмов, то есть при социализме, прогресс тоже зависит от классового признака. Классовую закрепленность с некоторыми натяжками можно спроецировать на доиндустриальные общества, где господствовала сословная структура. Но эта трактовка не особо пригодна для анализа индустриального общества, где собственность утратила господствующее положение в социальной дифференциации. Здесь чрезвычайно развита вертикальная и горизонтальная мобильность, а в массовом сознании преобладает установка на достигаемый статус. Будет неправильно говорить о приоритете классовой структуры над профессиональной в социалистическом обществе, потому что традиционный критерий классового деления, – собственность на средства производства – не работает [71, с. 142].

Таким образом, марксистская концепция отобразила определенные исторические реалии, потому что в эпоху доиндустриального общества и на ранних его фазах собственность на средства производства реально явилась важнейшим фактором социальной дифференциации, обуславливая природу политической власти, престиж и привилегии социальных групп. Тогда общественное устройство было относительно простым, однако современное

общество характеризуется множеством социальных связей и отношений, не укладывающихся в старые схемы.

Если учитывать все эти четыре идеи в обобщающей дефиниции, то можно отметить, что структурой является скрытая сеть устойчивых и регулярных связей между элементами в какой-либо области реальности, определенно влияющая на развитие явлений, которые наблюдаются в этой области.

Исходя из этого социолог объясняет социальную структуру как сложное целое, представленное в четырех измерениях или планах.

Обращаясь к четырехуровневой концепции структуры, можно обозначить четыре частичных процесса, которые вместе образуют единый процесс формирования структур. Во-первых, это процесс институционализации нормативной структуры: возникновение социальных норм, ценностей и институтов как комплекса норм и ценностей, сосредоточенных вокруг социально значимых функций: созидательной, воспитательной, производственной, религиозной, политической и т.п. Ввиду нормативистского перекося, характерного для многих влиятельных социологических школ, этот процесс изучен немного лучше других. Как пример можно указать знаменитый анализ так называемого «институционализированного обхода» социальных норм или процесса нормативной инновации, который выполнил Мертон, на строгие и тонкие наблюдения Гоффмана; на достижения этнометодологии или в сфере микросоциологии на исследования социальных психологов [35, с. 285].

Вторым частичным процессом является артикуляция идеальной структуры; возникновение стандартных убеждений, взглядов, идей, мифов и стереотипов. Тут конкретные достижения исследований намного скромнее. Имеются определенные догадки социальных антропологов на тему генезиса мифа, магии и религии, а в социологии – достаточно подробные анализы некоторых патологических состояний коллективного сознания – источников предрассудков или расовых, этнических стереотипов и т.п. (например,

исследование Аллпорта). Однако до систематического обобщения этих разрозненных результатов еще далеко.

Третий частичный процесс – это экспансия интеракционной структуры: расширение сети контактов, связей, коммуникаций между личностями. На этом месте получено много интересных наблюдений, их дают микросоциологические исследования и экспериментальные исследования в социальной психологии, проведение которых инспирировалось теорией обмена, символическим интеракционизмом и анализом сетей. Но эти результаты в основном для малых общностей и зачастую искусственны и экспериментальны. Перенос соответствующих понятий и положений на более широкие социальные общности – в макросоциальное измерение – встречает серьезные затруднения.

И наконец, четвертым частичным процессом является кристаллизация структур интересов – возникновение прочной иерархии привилегий и лишений, или же неравенства между людьми в отношении доступа к желаемым благам и ценностям (богатство, власть, престиж). Здесь мы обладаем значительными познаниями, особенно на тему накопления и углубления неравенства [35, с. 294].

Изучив разные подходы к анализу процесса трансформации российского общества, напрашивается, что множество отечественных исследователей, которые говорят о трансформации, определяют тот факт, что трансформация современного российского общества характеризуется возникновением новой социальной (в широком смысле) дифференциации, которая меняет мотивацию деятельности и возможности благосостояния разных категорий населения и, в свою очередь, меняющейся под воздействием изменений этих субъектов. Это комплексный процесс, который включает собственные социальные, экономические, политические и культурные компоненты. Он служит одним из проявлений глобальной тенденции, который заключается в нарастании активного взаимодействия между безличными структурами и личностно окрашенными действующими субъектами – индивидами и группами.

Подводя итоги данного параграфа, автор делает определенные выводы. Изучив процессы стратификации обнаруживается существование множества институционализированных структурных компонентов, неформальных нормативных порядков, способов мышления и ценностей. В этом смысле формирующееся социальное расслоение есть специфическое переплетение привилегий и дискриминаций различных социальных групп. Он ограничивает права граждан и их представителей по влиянию на форму принимаемых решений, включая содержание системы права.

Однако не вне сомнения и то обстоятельство, что и глобальные тенденции своеобразно преломляются в нашем социальном пространстве. Если рассматривать трансформацию как необходимый и неизбежный процесс, то очевидным становится отсутствие теоретически и практически обоснованной политики по социальной реконструкции России, поэтому реконструкция происходит иррационально. Это подтверждают и исследования социальной структуры российского общества, которые проводят последние годы: они фиксируют ее крайнюю неустойчивость, аморфность, неопределенность.

В заключение данной главы мы делаем выводы. Стратификация – олицетворение социального неравенства. Первое измерение социальной структуры – то, которое было в центре интереса Э. Дюркгейма и сторонников классической школы функционалистов. Является нормативное измерение сетей характерных для общности норм, ценностей и институтов. Второе измерение структуры – особо важное для феноменологов от М. Шелера и до А. Шюца. Третье измерение социальной структуры подверг внимательному анализу Г. Зиммель, в современной же социологии – это авторы последователи так называемой теории обмена или социального бихевиоризма. Четвертое и последнее измерение структуры оказалось в центре исследований К. Маркса и М. Вебера, а потом и плеяды исследователей классов, социального расслоения и власти. Определение процессов выступающих посредниками механизмов взаимодействия между их структурными продуктами – важнейшее условие

адекватного пояснения. Размышляя о факторах стратификации и становлении новой социальной структуры России, малоубедительно, говорить о последствиях перехода к рыночной экономике или кризиса отдельных отраслей или предприятий в условиях структурной перестройки. Системные, объективные факторы стратификации выступают как рамки, ограничители, социальный заказ экономики населению.

Многие современные социологи сходятся во мнении, что социальная структура современного российского общества характеризуется крайней неустойчивостью как на уровне процессов, происходящих в социальных группах и между ними, так и на уровне осознания личностью своего места в системе общественной иерархии. Позиция большинства ученых в современном российском обществе наблюдают отчетливое выражение тенденции к дезинтеграции социального пространства. Социальная дезинтеграция – это процесс и состояние распада общественного целого на части, разъединение элементов, некогда бывших объединенными, то есть процесс, противоположный социальной интеграции. Наиболее частые формы дезинтеграции – распад или исчезновение общих социальных ценностей, общей социальной организации, институтов, норм и чувства общих интересов. Последствием такой социальной структуры является отчуждение низкодходных групп населения от общества, рост недоверия к другим людям и общественным институтам, что негативно влияет на формирование норм и институционализацию нового социального порядка.

Проблема социальной структуры общества терпит заметный «теоретический кризис» в социологии. Первостепенные сегодня теории социальной структуры – классовая и стратификационная – имеют не только теоретические и практические достоинства, но и очевидные недостатки, которые реализуются в одном простом положении: обе они весьма неважно работают на современном российском материале. Концепция Т.И. Заславской делает актуальным вопрос о выборе системы индикаторов для оценки

промежуточных итогов трансформационного процесса. В концепции Т.И. Заславской социальное качество общества характеризуется тремя элементами: совокупностью базовых институтов, социальной структурой и человеческим потенциалом. Их измерение, касающееся различных и связанных интересов, а значит, распределения доступа к общественным благам: к богатству, власти, престижу, знаниям и т.п. В этом смысле формирующееся социальное расслоение – это специфическое переплетение привилегий и дискриминаций различных социальных групп. Оно ограничивает права граждан и их представителей по влиянию на форму принимаемых решений, включая содержание системы права.

2 Анализ процессов социального расслоения современного российского общества

2.1 Особенности стратификационных процессов российского общества

Процессы расслоения в современном российском обществе затруднительно разъяснить в полном объеме, если не брать во внимание механизмы, которые исторически работают на слоеобразование. Эти механизмы определялись в большей мере характером русской культуры и географическим положением жизни на этапе ее становления.

Инокультурный опыт в свою очередь также оказал воздействие на расслоение. В русской культуре были собраны разнообразные духовные ориентиры, позволяющие российскому обществу заимствовать и с Востока, и с Запада новое. Во времена Московской Руси в обществе уже стали появляться главные компоненты социального расслоения: двор князя (монарха) и круг приближенных к нему людей; служилые люди; профессиональные военные и бюрократический аппарат; крестьяне. Иные слои общества (купечество, ремесленники, служители культа, промышленники) не осуществляли такие важные роли, как вышеупомянутые сословия и группы.

В хозяйственном укладе России сформировался определенный тип хозяйства, называемый специалистами распределительным или «раздаточным». Этот тип сложился спонтанно-исторически под влиянием природно-климатических условий, не позволяющих сельскому хозяйству постоянно обретать совокупный прибавочный продукт, которого достаточно для уверенного становления рыночных отношений, хотя сложился он на базе централизованного государственного управления [87, с. 35].

Модель хозяйства российского общества объясняется и постоянно доминирующая государственная собственность в стране. Однако продолжительное отсутствие развитого института частной собственности и преобладание в развитии государственной собственности формировали беззаконие чиновничьего аппарата и апатию к общественным делам подавляющей доли населения. Как самостоятельный компонент социальной стратификации буржуазия начала свое формирование в конце XIX и начале XX века после отмены крепостного права. Ее представители тогда так и не установили устойчивые классовые интересы и притязания.

Процессы урбанизации в России имели свою специфическую форму отличную от Западной Европы. Долгое время русские города, преимущественно провинции, особенно Сибирь, носили в большинстве случаев административное значение, поддерживая аграрный характер. Это значит, что в стране не происходило укрепление третьего сословия, выступающего серьезным противником монархической власти. В тоже время появляются слои и субкультуры, сформированные социальными и полиэтническими особенностями страны. В XVII веке появляются казачьи поселения, в промышленных зонах и на государственных предприятиях работают крепостные рабочие, а в XIX веке образуется культурный слой, называющий себя русская интеллигенция. Изначально это были образованные люди, в основном выходцы из дворянства, приобщенные к изучению путей развития государства. Позднее этот слой стал пополняться интеллектуалами, людьми, которые на профессиональной основе занимаются высококвалифицированным трудом – учителями, врачами, художниками [64, с. 85].

Сначала инициаторами развития образования в государственном объеме развивали представители церкви. Только в XIX веке в стране стала формироваться система общего, профессионального среднего, а также высшего образования.

При исследовании российского расслоения также нужно обратить внимание на постоянное включение в границы российского государства разных народов и региональных сообществ. Это внесло свою роль на стратификационное деление России, так как регулярно материальные, кадровые и интеллектуальные ресурсы из центра отвлекались туда.

Ключевым ресурсом государства оставались большие земельные площади и труд крестьян-общинников. Вся сила государственной системы продолжительный период сохранялась на увеличении этого ресурса и это в наибольшей мере диктовало стратификационные процессы в обществе. Факторы стратификации, как частная собственность, урбанизация, самоуправление на местах были намного меньше развиты. Это все сформировало укорененность в российском обществе слабое развитие структуры населения. Большую долю общества являли крестьяне, элиту же составляли дворянство, армейское офицерства и частично буржуазия [64, с. 115].

Реформы Петра I существенно не изменили положение сил в социальной структуре. Избранные способы для общегосударственного изменения не нарушили границ имперских феодальных отношений. Внедренная Петром I система сословного деления, заключающая положение различных категорий населения в социальной лестнице, приостановила естественные процессы расслоения. Сословия были общественными слоями, представители имели права и обязанности, которые закреплялись наследственно-правовым образом.

Система делилась на привилегированных (в частности, их представители освобождались от податей и от воинской повинности) и непривилегированных. К первым относились дворянство, почетные граждане, духовенство, купечество. По отношению к этим сословиям государство использовало различные стимулы, которые нацеливали их на государственную и военную службу, общественно полезную активность. Непривилегированными сословиями являлись мещанство, цеховое сословие, крестьянство, казачество.

Эти сословия в обязательном порядке платили подати и (или) несли воинскую службу. Большая часть сословных обязанностей и социальных прав наследовалась и произвольно не могла быть изменена человеком. Однако, существовали определенные каналы, которые позволяли представителям одного сословия переходить в другое. Например, при выполнении некоторых требований допускалось занятие невысоких государственных должностей детьми духовных лиц, мещан, что позволяло им менять (повышать) свой статус.

Реформы конца XIX и первого десятилетия XX в. правящих кругов проявляли попытку включения российского общества в динамичное движение развитых стран мира, однако они желали сохранить прежние социально-политические и сословные рамки. Отчасти эти усилия были успешными, если говорить о таком показателе, как рост городского населения. Несмотря на то, что накануне революции 1917 г. Россия оставалась крестьянской страной (из 165 млн человек населения 75% работоспособной части занималось сельским хозяйством), однако всего за пятьдесят лет (по историческим масштабам срок невелик) городское население страны увеличилось более чем втрое – на 16 млн человек.

Кроме крестьян работоспособная доля населения в то время делилась по различным сферам деятельности хозяйства, так: около 10% трудилось в обрабатывающей промышленности и в сфере ремесел; около 5 – в сфере торговли; 4,5 – в личном услужении и на частной службе; 1,6 – на работах, связанных с транспортом, почтой, телеграфом; 0,75% – на государственной и общественной службе [82, с. 51].

В зависимости от организации труда и наличия частной собственности самой распространенной фигурой работника был мелкий товаропроизводитель, которые кооперировались в артели, товарищества. Наемный рабочий, свободно продающий свою силу являлся редкостью. Рабочие концентрировались в ряде регионов – Московском, Санкт-Петербургском, Уральском. Наиболее многочисленными категориями рабочих были металлурги, железнодорожники.

Все эти особенности отечественных процессов расслоения объясняют, идеи П. А. Столыпина о формировании в стране слоя крепких хозяев. Встречались они далеко не благоприятно как в правительственных кругах, так и в образованных слоях общества.

Изучение доходов различных слоев населения Российской империи показывает, что по уровню благосостояния общество было крайне поляризовано. Из 165 млн. человек лишь 696,7 тыс. имели ежегодный доход свыше 1 тыс. руб. (например, доход крупного заводчика составлял 210 тыс. руб. в год). Остальная часть населения имела доход от 0 до 1 тыс. руб. Среднегодовая заработная плата чернорабочего составляла 238 руб., поденного рабочего у помещика и того меньше – 56 – 63 руб. [82, с. 58].

В это же время в границах старого режима ярко показали тенденции формирования новых массово-демократических форм жизни. По свидетельству отечественного исследователя того периода Г. П. Федотова, представители «новой демократии» не были ни дворянами, ни крестьянами, ни интеллигентами, их называли «разночинцами». Постепенно с разночинством начал сливаться и выделявшийся из пролетариата его верхний слой, представители которого хотя и «отрывались от станка», но в ряды интеллигенции не переходили.

Октябрьская революция 1917 г. продолжила эту в общем объективную тенденцию становления «новой демократии» и отменила прежнее сословное деление общества. В стране сформировалась обновленная ситуация, применяемая к стратификационным процессам, особенно, была применена беспрецедентная в истории попытка управленческими мерами регулировать разделение людей на классы и слои. В итоге имущественные критерии дифференциации фактически сводились к нулю, потому что частная собственность на средства производства упразднялась. Теперь ввелась заработная плата, вместо разнообразных форм индивидуальных доходов, различным категориям работников на государственных предприятиях. Итогом

всего этого стало большее распространение дистрибутивного типа экономических отношений, который свел на нет отношения рыночного типа. Это свидетельствует о том, что демократические тенденции уже тогда реализовывались в нашей стране по-другому, отлично с обществом западноевропейского типа.

В ходе Гражданской войны, в процессах коллективизации, индустриализации в обществе прекратили свое существование слои, развивавшиеся несколько столетий – это дворяне, купцы, мелкие и крупные собственники. Значение и функции других социальных единиц (крестьян, ремесленников) значительно изменились. Определенные социальные классы и слои (рабочие, военные, чиновничий аппарат) получили мощный стимул к численному росту и повышению своего статуса. Стремительно увеличивалось число работников интеллектуального труда – врачей, учителей, работников науки и культуры. Одно из более важных последствий перемен – разрушение культуры русского крестьянства и активизацию той его части, переселившийся в город и включившийся в промышленное производство [57, с. 113].

Социальная структура советского общества первой половины XX века основывалась на ряде признаков, позволявших решить ей много важных задач индустриального развития, но тормозивших отклик на внутренние социальные запросы и динамику мировой экономики. Укажем наиболее важные из этих признаков:

- политическое регулирование социальной структуры при усилении репрессивной доминанты в отдельные периоды и в конкретных условиях;
- слабое разделение труда и недостаточная дифференциация социальных ролей;
- уравнительная оплата труда, основанная на дистрибутивном типе хозяйственных отношений;

- неадекватная шкала ценностей и поощрений, на которой были наиболее значимыми признаки лояльности (происхождение, партийность), но недооценивались инициатива, добросовестный труд, предприимчивость;
- слабая правовая защищенность гражданина и работника; почти полное отсутствие прав защиты собственника, потребителя, пользователя;
- значимость человеческих отношений в большей степени как дескриптивных (предписывающих), отсутствие их ориентаций на личное сотрудничество, групповой и индивидуальный успех;
- в целом сохранение множества признаков патриархально-традиционных характеристик в социальных связях и отношениях; незавершенный характер урбанизации, что отражалось на образе жизни многих слоев горожан [62, с. 71].

Советские авторы рассматривали структуру советского общества в рамках классовой теории – два класса и одна прослойка. Зарубежные авторы неоднократно предпринимали попытки разработать стратификационные модели советского общества первой половины XX века. Приведем в качестве примера модель, автором которой является американский социолог А. Инкелье. Модель включает в себя девять слоев:

- первый слой – правящая элита: руководители партии, правительства, высшее военное руководство, высшие чиновники; представители этого слоя обладают фактически неконтролируемой властью, огромными возможностями умножать свои материальные доходы, социальные привилегии; они неподвластны судебным- правовым санкциям;
- второй слой – высший слой интеллигенции: видные ученые, известные художники, обладатели престижных наград; у них власти намного меньше, чем у представителей первого слоя, но материальные вознаграждения значительны; условия труда и быта благоприятны, имеется целый ряд привилегий по сравнению с рядовыми гражданами; они могут рассчитывать на определенное послабление правовых санкций;

- третий слой – аристократия рабочего класса: ударники пятилеток, стахановцы, зачинатели пропагандистских движений; они имеют высокую заработную плату, для них создаются особые условия труда, быта, они обладают высоким престижем в обществе; однако представители этого слоя, как и более низших слоев, не могут рассчитывать на послабление правовых санкций или правовую защиту;
- четвертый слой – интеллигенция, управленцы среднего звена, руководители средних предприятий; их заработная плата и доходы позволяют поддерживать средний уровень жизни;
- пятый слой – мелкие управленцы, бухгалтеры, служащие; они обладают средним уровнем образования, их заработная плата едва позволяет придерживаться достаточно низких нормативов среднего уровня жизни;
- шестой слой – преуспевающие работники передовых колхозов и совхозов; они отличаются тем, что имеют льготные условия труда (сельскохозяйственная техника, удобрения, помощь городских рабочих и т. п.), у них не самая низкая заработная плата, которая вместе с доходом с приусадебного участка позволяет сохранять приличный уровень жизни;
- седьмой слой – средне- и малоквалифицированные работники в городах; их условия жизни и уровень материального благосостояния весьма скромны;
- восьмой слой – средние слои крестьянства; для них характерны тяжелый физический труд, низкая заработная плата, отсутствие комфортного отдыха;
- девятый слой – армия заключенных трудовых лагерей [56, с. 44 – 46].

Советский опыт расслоения первой половины XX века говорит о том, что примененная модель перехода России к индустриальному обществу явилась радикальным средством трансформации прежней социальной структуры. В границах этой модели установился тип работника, который полностью зависел

от государства. Обеспечение населения работой, стабильные цены на товары первой необходимости и продукты делало ненужным развитое экономическое стимулирование труда, дифференцированную шкалу оценок и предпочтений, эффективную систему социальной мобильности и поощрений. Хотя социальная структура и терпела радикальные изменения, но все же сохраняла определенные характеристики, которые были присущи традиционной структуре.

В 1960 – 1970-е годы социальная структура и стратификационные процессы социалистического типа все еще хранили в себе стимулирующие ресурсы общественного развития, однако в них стали накапливаться внутренние противоречия и дисбалансы. Следует заметить, что механизмы расслоения того времени дали начало образованию среднеобеспеченных слоев. Однако здесь вряд ли можно говорить о полноценном среднем классе западного типа, потому что социальная структура советского общества значительно расходилась со структурой западноевропейского общества, а среднеобеспеченные слои можно сравнить со средним классом только по определенным, хоть и важным, признакам, как повышение жизненного уровня и выравнивание стандарта потребления [62, с. 95].

В этот период времени был, образовался стандарт образа жизни среднего члена российского общества. Но жизненный стандарт среднеобеспеченных слоев советского общества с трудом можно назвать устойчивым; их статус постоянно обесценивался. Потому семья использовала все возможности для преумножения своего благосостояния и трудом, и использованием своего служебного положения. И это существенно отличало среднеобеспеченные слои советского общества от среднего класса стран Запада.

Параллельно система стимулирования труда в сфере производства существенно начала снижаться. Вознаграждения высококвалифицированных и низкоквалифицированных рабочих сокращало свой разрыв.

Эти процессы привели к тому, что социокультурное расслоение российского общества в 1970 – 1980-х годах получило только большую определенность. Возрасла значимость такого признака, как авторитет в определенных кругах, престиж в общественном мнении, что свидетельствовало о динамике шкалы прав, массовых предпочтений.

К 1980-м годам модель общественного развития, которая основывалась на автократическом централизме и государственной собственности, в целом исчерпала свои потенциальные возможности для эффективного действия: она была лишь могла решать приоритетные задачи индустриального типа, но была неспособна к саморазвитию и вхождению в постиндустриальное общество.

Следующий этап стратификационных процессов начался в 1990-е годы, тогда российское общество в период становления нового государства вступило на путь поиска новых форм социальной организации и ценностных ориентаций жизнедеятельности. После долгого перерыва была предпринята попытка восстановить в хозяйственную сферу вместе с перераспределительными отношениями и отношения рыночного типа. На практике же попытка приобрела поспешный, посредственно разработанный в правовом, социальном и технологическом отношениях характер, именно это и обусловило серьезную деформацию стратификационных процессов.

На институционально-законодательной базе в стране был сформирован негосударственный сектор с различными типами собственности и субъектами экономической деятельности.

В тот период времени в стране появились профессиональные группы, которые были заняты новыми видами деятельности, связанными с рыночными отношениями – это работники рекламы, менеджеры акционированных и частных предприятий, специалисты в области современных банковских операций и ценных бумаг и др. Но большинство занятого населения страны принадлежит не к собственникам, а к наемному персоналу [80, с. 85].

В современной России особую специфику приобрел процесс формирования нового слоя предпринимателей, или бизнес- слоя. Ученые соглашаются лишь с двумя характеристиками, на основе которых можно отнести работников к этому слою: деятельность в хозяйственной сфере с целью получения прибыли; экономическая свобода, или наличие прав и обязанностей, связанных с самостоятельным принятием решений и личной ответственностью за результаты хозяйствования [42, с. 192].

Одну из наиболее успешных попыток определить состав и границы предпринимательского слоя сделала Т. И. Заславская. В ее исследовании фигурирует несколько подгрупп работников, составляющих российский бизнес-слой:

- менеджеры-совладельцы – хозяйственные руководители мелких и средних акционированных предприятий, работающие по найму, но располагающие значительными пакетами акций управляемых предприятий;
- наемные менеджеры – хозяйственные руководители, управляющие государственными, реже частными, предприятиями или фирмами «за зарплату»;
- предприниматели – собственники преимущественно мелких предприятий и фирм, лично управляющие последними, не совмещая эту деятельность с какой-либо работой по найму;
- самостоятельные работники – лица, занятые мельчайшим предпринимательством на базе индивидуальной трудовой деятельности с помощью собственных средств производства (преимущественно специалисты и квалифицированные рабочие);
- бизнесмены-менеджеры – наемные директора мелких и средних предприятий преимущественно акционированного и частного секторов, совмещающие управленческую работу по найму с ведением собственного бизнеса. Для части из них управленческая работа по месту службы является, главным образом, прикрытием личного бизнеса;

- полупредприниматели – «рядовые», т. е. неруководящие работники преимущественно акционированного и частного секторов экономики, совмещающие работу по найму с разными видами предпринимательства, включая индивидуальную трудовую деятельность [43, с. 4].

Процессе развития демократических и рыночных реформ изменил и социальную стратификацию российского общества.

Во-первых, существенным образом изменился сам характер стратификационной системы. В советском обществе были преимущественно черты этатристической системы, которая была построена на властных иерархиях и формальных рангах, а в современном российском обществе становление стратификационной системы происходит на экономической основе, когда главными критериями становятся уровень доходов, владение собственностью и возможность осуществлять самостоятельную хозяйственную деятельность.

Во-вторых, сложился довольно многочисленный предпринимательский слой, высшие представители которого не только составляют существенную часть хозяйственно-экономической элиты, но и в ряде случаев входят в политическую элиту страны. Можно по-разному оценивать сущность, состав и структуру этого слоя, но нельзя не видеть, что переход к рыночной экономике породил качественно новые статусные группы, обладающие экономической свободой и претендующие на самые высокие места в системе общественной иерархии.

В-третьих, в ходе реформ появились новые престижные виды деятельности, что заметно изменило социально-профессиональную стратификационную систему. Так, резко возрос престиж предпринимательской, коммерческой, финансово-банковской, управленческой, юридической и некоторых других видов деятельности (реклама, маркетинг, операции с недвижимостью и т. д.).

В-четвертых, наметилось полярное расслоение общества, что находит выражение в растущей дифференциации доходов населения.

В-пятых, несмотря на существенную социальную полярность общества, начинает формироваться средний класс, ядро которого образуют высокопродуктивные, инициативные и предприимчивые социальные категории (предприниматели, менеджеры, бизнесмены, фермеры, представители научно-технической интеллигенции, высококвалифицированные рабочие и др.). Средний класс определяет стабильность социальной системы и одновременно обеспечивает ее динамичное развитие. Он заинтересован в осуществлении экономических реформ и выступает субъектом технологической модернизации и политической демократизации общества [43, с. 9].

Вопросы социально-стратификационной дифференциации стоят в центре внимания современных отечественных социологов. Вносятся разнообразные теоретические схемы, которые объясняют расслоение современного российского общества. Наиболее применяемой стала стратификационная модель, которая была разработана академиком Т. И. Заславской на базе данных, которые она получила в ходе мониторинговых исследований.

Для идентификации социальных групп в России использовались десять статусных переменных: основное занятие, сфера занятости, основной род деятельности, уровень образования, сектор экономики, размер организации (число работников), профессионально-должностное положение индивида (по содержанию выполняемой работы и согласно самооценке), самооценка квалификации, уровень материального благосостояния. Каждая социальная группа выделялась по набору указанных выше признаков.

Во избежание взаимного наложения групп, которые выделяются по различным показателям, была принята иерархия группообразующих признаков: 1) занятость собственным бизнесом, 2) выполнение управленческих функций, 3) характер труда (физический или умственный), 4) уровень образования и квалификации, 5) ступень материального благосостояния, 6) сфера занятости.

Выделилось 4 слоя.

Верхний слой формируют элитные и субэлитные группы, которые занимают важные позиции в системе государственного управления, в экономических и силовых структурах. Это политические лидеры, верхушка государственного аппарата, значительная часть генералитета, руководители промышленных корпораций и банков, преуспевающие предприниматели и бизнесмены, видные деятели науки и культуры. Это самый образованный слой: две трети его представителей имеют высшее образование. Уровень доходов этого слоя в 10 раз превышает доходы нижнего слоя и в 6 – 7 раз – доходы базового слоя.

Можно с уверенностью говорить, что верхний слой обладает самым мощным экономическим и интеллектуальным потенциалом и имеет возможность оказывать прямое влияние на процессы реформ [42, с. 195].

Средний слой состоит из мелких и средних предпринимателей, полупредпринимателей, менеджеров средних и небольших предприятий, представителей среднего звена государственного аппарата, администраторов непроизводственной сферы, старших офицеров, лиц интеллектуальных профессий, фермеров, наиболее квалифицированных рабочих и служащих. Около 60 % из них работают в негосударственном секторе. Уровень образования здесь существенно выше, чем в среднем по стране, но немного ниже по сравнению с верхним слоем. Уровень доходов среднего слоя значительно уступает верхнему слою.

Базовый слой составляют лица, которые заняты в основном в государственном секторе экономики. К нему относятся рабочие индустриального типа, значительная часть интеллигенции (специалисты), полуинтеллигенция (помощники специалистов), служащие из технического персонала, основная масса военнослужащих, работники массовых профессий торговли и сервиса и большая часть крестьянства. Только 25 % его составляющей получили высшее образование. Уровень жизни здесь и ранее

невысокий, а в последние годы еще и постоянно снижается: 44 % его представителей живут за чертой бедности.

Нижний слой это наименьший профессионально-квалификационный и трудовой потенциал. К нему относятся работники, которые заняты простейшими видами труда, не требующими профессиональных знаний (уборщики, лифтеры, вахтеры, курьеры, подсобные рабочие, такелажники и т. д.). Из них более 40 % заняты в индустриальных отраслях и 25 % – в сфере торговли, обслуживания. Эти социальные категории определяет крайне низкий уровень жизни: 2/3 живут за чертой бедности, из них четверть – за гранью нищеты.

Вместе с этими основными слоями Т. И. Заславская отмечает также наличие «социального дна», образующее алкоголики, бомжи, бродяги, криминальные элементы и т. д. Однако эмпирически идентифицировать эти группы не удалось, что связано с их десоциализацией, изолированностью от общества, включенностью в различные криминальные и полукриминальные структуры [42, с. 199].

Известный социолог М. Н. Римашевская же предлагает немного иную модель стратификационной системы современного российского общества, она выделяет иные социально-классовые группы:

- «общероссийские элитные группы», обладающие крупной собственностью и средствами властного влияния на федеральном уровне;
- «региональные и корпоративные элиты», обладающие значительной собственностью и влиянием на уровне регионов и секторов экономики;
- «верхний средний класс», имеющий собственность и доходы, обеспечивающие западные стандарты поведения и притязания на повышение социального статуса;

- «динамичный средний класс», проявляющий социальную активность и имеющий доходы, обеспечивающие среднероссийские и более высокие стандарты потребления;
- «аутсайдеры», характеризующиеся низкой социальной активностью, невысоким уровнем доходов и ориентацией на легальные способы их получения;
- «маргиналы», отличающиеся низкой степенью социальной адаптации, незначительными доходами и неустойчивостью социально-экономического положения;
- «криминальные элементы», проявляющие высокую социальную активность, но противоречащую моральным и правовым нормам общества [68, с. 10].

Имущественное неравенство групп и слоев главный и болезненный элемент системы социального неравенства в России. Являясь значительным само по себе, оно еще выражает целый ряд других неравенств: между городом и селом, крупными и малыми городами, экспортными и «рядовыми» отраслями хозяйства, предпринимательством и работой по найму, занятостью управленческим и исполнительским трудом, работой в частном и государственном секторах, экономически процветающих и убыточных фирмах.

Подводя итог можно сказать, что, оценивая процессы стратификации в российском обществе, можно утверждать, что они приобрели для граждан страны социально- и культурно-деформированный характер. Также следует признать, что эти процессы разворачиваются в переходных условиях и в целом носят неустойчивый характер. Принадлежащие им на определенном отрезке времени признаки преобразуются, многие из них исчезают как не выдерживают испытание практикой. В будущей модели жизнедеятельности граждан России, по нашему мнению, зафиксируются такие стратификационные характеристики, которые дадут обществу возможность интегрироваться в современную

мировую динамику при сохранении конструктивных социальных связей и духовных ориентиров.

Следует отметить, что многие социальные преобразования носят переходный характер, имея нечеткие, расплывчатые границы. Происходит тотальная маргинализация почти всех социальных групп. Новое российское государство не обеспечивает безопасности граждан и не облегчает их экономическое состояние. В свою очередь эти дисфункции государства деформирует социальную структуру общества, придавая ей криминальный характер. Возрастает имущественная поляризация общества. Современный уровень доходов не стимулирует трудовую и деловую активность основной массы экономически активного общества. Сохраняется слой населения, который можно назвать потенциальным ресурсом среднего класса. Пока в России социально-экономические приоритеты, которые характерны для среднего класса развитых стран, наблюдаются лишь в верхних слоях социальной иерархии. Формирование структуры российского общества, для которой необходимо преобразование института собственности и власти – длительный процесс.

2.2 Динамика изменений социальной структуры российского общества

В конце третьего срока своего президентства и накануне очередных выборов Владимир Путин анонсировал изменение социальной политики. Причиной изменения курса следует считать нестерпимый разрыв между богатыми и бедными, который образовался в России. По словам главы государства, подобная ситуация сложилась еще до его прихода к власти в стране.

По самому последнему прогнозу ООН, к 2050 году население земли составит 9,2 миллиарда человек и порядка 80% из них будут жить в странах, официально признанными бедными. Ооновская бедность – это доход в размере 2 долларов на человека в сутки. Если применить этот критерий к России, то у нас минимальный размер оплаты труда (МРОТ) – 7800 рублей в месяц, или чуть больше 4 долларов в день [6]. Но мы своих бедных считаем не по МРОТ, а по прожиточному минимуму. И их становится все больше: на конец прошлого года более 20 миллионов человек, или 14,3% населения. Это официально. Если же судить не по нашим собственным критериям, а по американским, европейским или даже азиатским (для сопоставимых с Россией стран), доля неимущих поднимается у нас до 60% [53, с. 36].

Когда СССР отказалась от коммунистическо-социалистической идеологии, Россия, как преемница СССР выбрала курс капитализма, пошла по пути расслоения общества.

Согласно официальной статистике, а 90-е годы наиболее неблагоприятными с точки зрения бедности были 1992-1993 годы и 1999-2000 годы. (рисунок) В 1992 году процент людей, чьи доходы были ниже прожиточного минимума, определялись правительством и бедными считали 33,5 % населения (рисунок 1).

Мгновенный переход к рынку вызвал потрясения – реальный доход граждан снизился на 40%. Освобожденные цены начали расти в разы стремительнее, чем доходы большей части населения страны. Вклады Сбербанка потеряли свою ценность, началась приватизация всей народной собственности. Так называемые «ваучеры» скупили те, кто имел на это средства и возможности. Так заводы, фабрики и другие субъекты советского хозяйствования перешли в частные руки. Рабочим и крестьянам ничего не досталось.

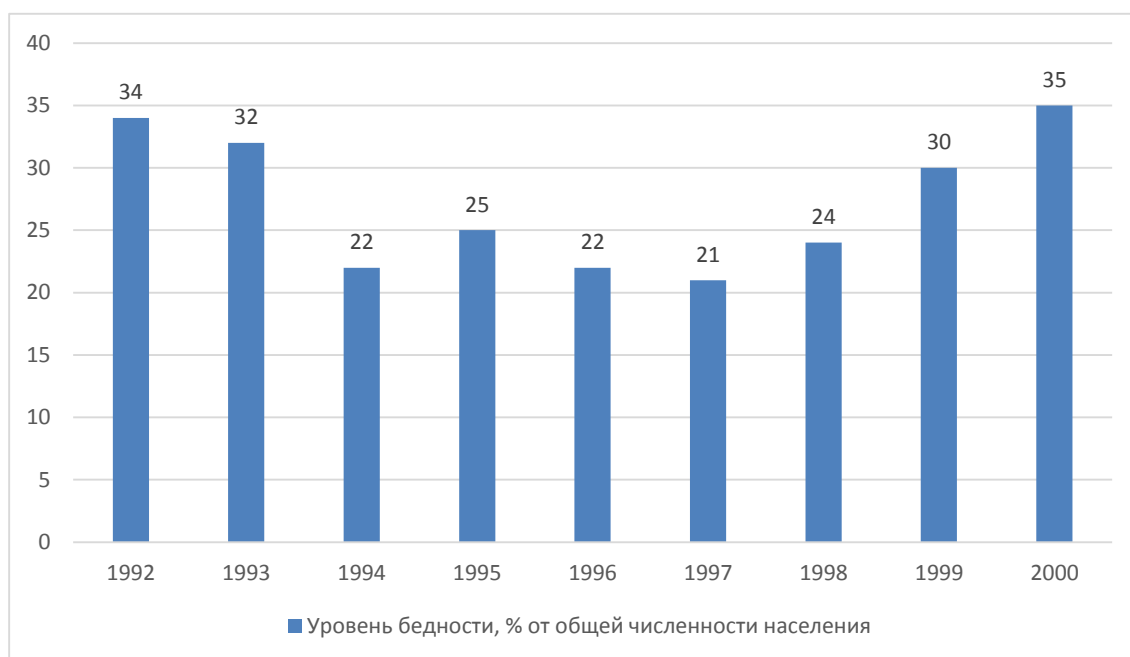


Рисунок 1 – Уровень бедности в России в 1992 – 2000 годах [71, с. 84]

В 1994 году доля бедных существенно снизилась до 22,4%. Но нужно иметь в виду, что в это время Госкомстат РФ изменил методику оценки доходов населения. До 1994 года доходы домашних хозяйств оценивались на основе данных бюджетной статистики. Эти доходы сравнивались со стоимостью потребительской корзины. С 1994 года учитывая, что значительная доля расходов формируется в неформальном секторе экономики и широко распространены задержки заработной платы, годовой уровень бедности стали определять путем соотношения годовой суммы расходов домашних хозяйств и стоимости годового прожиточного минимума. Если бы в 1994 году применялась старая методика, то доля бедных оказалась бы на уровне 34%.

В 1997 году показатель снизился до 20,8%. Однако в 1999 году показатель опять вырос. Сыграло злую шутку изменение методики. Если бы к данным 1999 года применить критерии 1992 года, то доля бедных оценивалась бы 27,6%, а не в 34,7%, как она была оценена в соответствии с новыми критериями. В 90-е годы в России в основном встречалась «устойчивая» форма бедности (рисунок 1).

Наряду с долей бедного населения важным показателем уровня бедности служит дефицит дохода, который показывает, на какой процент от среднего

дохода необходимо поднять доходы всех бедных, чтобы они достигли прожиточного минимума. Этот показатель позволяет углубить анализ бедности, оценить изменения в уровне жизни внутри совокупности бедных. Например, если сравнить 1993 и 1999 годы, то можно увидеть, что в 1999 году доля бедных была ниже (29,9% против 31,5%), но недостающий доход несколько выше (5,4% против 5,3%), чем в 1993 году. Число бедных уменьшилось, но положение тех, кто сохранил статус бедных, стало хуже (рисунок 2).

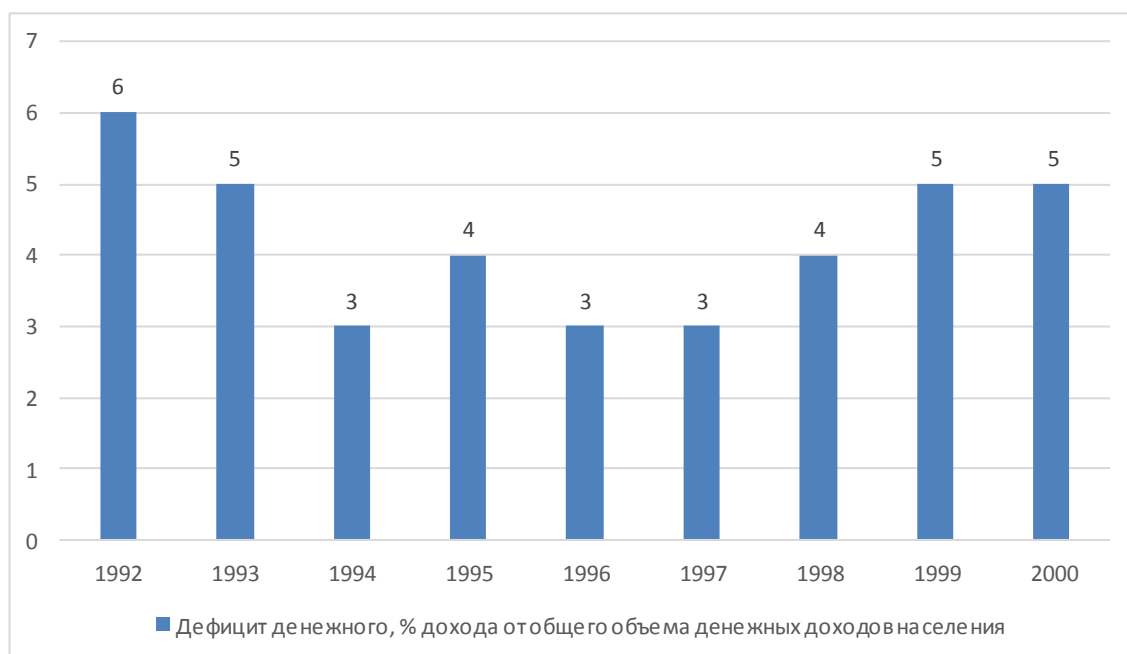


Рисунок 2 – Дефицит дохода в России в 1992 – 2000 годах [71, с. 87]

В 2000 году, когда президентом стал В.В. Путин, процент бедных составил 29%. Формально уровень бедности в России в 2000-х годах постепенно снижался до 13,4% в 2008 году. За эти годы России удалось добиться серьезного прогресса в сокращении экстремальной бедности – за счет эффектов экономического роста, быстрого увеличения пенсий, пособий и межсемейного перераспределения доходов. Наиболее экстремальные формы бедности (меньше 1 доллара в день) практически исчезли. Вторая группа (меньше 2,15 в день) сократилась к 2007 году почти в 20 раз – до 0,4% населения. Но после мирового финансового кризиса в 2008 году опять выросла до 1,4% и в 2009 году составила 0,9% (рисунок 3).

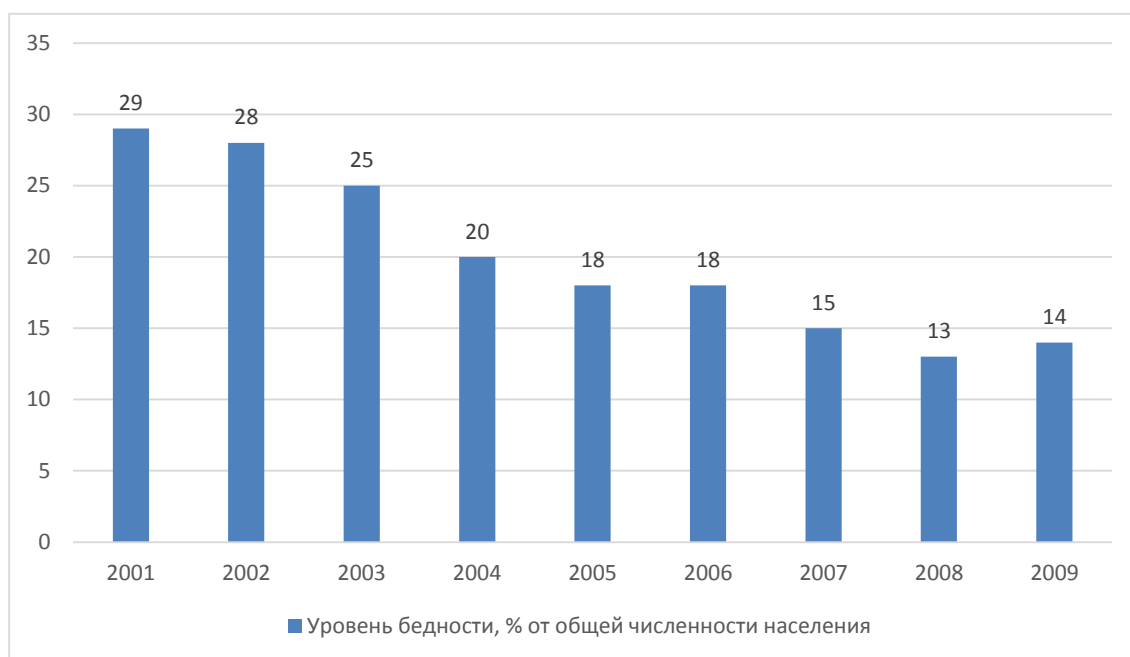


Рисунок 3 – Уровень бедности в России в 2001 – 2009 годах [39, с. 163]

Отметим, что прожиточный минимум в России в 2000 году составлял 1210 рублей, в 2010 – 5688 рублей в месяц. Успех еще более очевиден, если сравнивать прожиточный минимум и среднедушевые денежные доходы. В 2000 году среднедушевой доход превышал прожиточный минимум в 1,88 раза, в конце 2010 – в 3,71 раза [58, с. 59].

В 2011 году количество малоимущего населения составило 10,7%. Во-первых, российская экономика выросла благодаря увеличению мировых цен на энергоносители. Во-вторых, администрация Путина усилила контроль над олигархией, что отразилось на росте налоговых отступлений. Тем самым власть обеспечила источники дохода для выплаты пенсий и других социальных нужд. С обвалом мировых цен на нефть, фонды, созданные за счет огромного дохода от экспорта энергоресурсов, помогли смягчить удар, который нанес экономический кризис, но не на долго. Более того, после аннексии Крыма запад ввел против России экономические санкции, что способствовало ухудшению экономической ситуации. С 2013 года количество бедных начало увеличиваться.

После того как была рассчитана величина прожиточного минимума в первом квартале 2017 года, оказалось, что за чертой бедности находится 22

миллионов человек, что составляет 15% от общей численности населения. Сопоставление «год к году» свидетельствует о том, что по сравнению с кварталом прошлого года количество бедных россиян снизилось на 1,4 миллиона человек, т.е. на 6% – в первом квартале 2016 года бедными считались 23,4 миллиона человек или 16% населения. Однако сравнение данных первого квартала 2017 года и четвертого квартала 2016 года рисует совсем другую картину. Тогда бедных было 14,8 миллионов человек – 10,1%. И мы сразу же получаем рост на 7,2 миллиона человек или на 48%. И уже в 2015 году коэффициент составлял 16,8% [29, с. 59].

За последние четыре года доходы населения сократились на 11,2%, размер назначенных пенсий – на 7,4%, а реальная заработная плата на 2,9%.

По итогам 2016 года число людей с доходами ниже прожиточного минимума выросло до 19,8 миллионов человек и составляло 13,5% всего населения страны. С 2012 года, когда эта доля составила 10,7% от населения страны, что было минимальным показателем за всю новую историю России, численность людей, проживающих за чертой бедности, увеличилась на 4,4 миллиона человек.

Растущее количество россиян за чертой бедности в 2017 году удручает и тем, что третья часть населения потенциально может превратиться в нищих. В ближайшее время бедняками могут стать 28,8% граждан (рисунок 4).



Рисунок 4 – Уровень бедности в России в 2011 – 2017 годах [72, с. 172]

Дело в том, что у нас в стране сложилась распределительная система денежных ресурсов. Начиная с 2000 г. за счёт высоких цен на нефть в стране образовались дополнительные доходы. Но эта прибавка распределялась в пользу группы высокообеспеченных граждан, которые имели своих лоббистов во власти. А малообеспеченным доставалась незначительная часть, она позволила поднять их уровень жизни, поэтому число бедных в стране сократилось. Но социальный разрыв в доходах бедных и богатых увеличился, потому что последние наращивали свой капитал более быстрыми темпами. Сейчас, когда экономика в кризисе, ресурсов стало меньше. Богатые, пытаясь сохранить своё положение, начинают оберегать их более ревностно и урезают долю малообеспеченных, поэтому разница в доходах опять начала расти.

При этом согласно исследованию, россияне пытаются компенсировать снижение реальных денежных доходов займами. Эксперты отмечают, что продолжительные негативные явления в экономике привели к тому, что население не может далее сокращать свое потребление. При этом в бедных регионах страны наблюдается более высокий прирост объема потребительских кредитов физлицам, которые становятся реальным способом поддержки приемлемого уровня жизни [27, с. 37].

Наиболее распространенной стратегией улучшения своего материального положения для населения стало производство продукции в личном подсобном хозяйстве, весной 2017 года этим занималась почти треть населения по сравнению с 20 процентами в 2014 году.

Так сколько же богатых в России? В общей сложности 513 тысяч семей имеют в своем бюджете более одного миллиона долларов, т.е. 90% национальных богатств России находится в руках 10% населения.

По-прежнему сохраняется и даже увеличивается разрыв между 10% населения, имеющих большие доходы, и 10% получающими самые низкие доходы. В первом полугодии 2017 года. [34, с. 80]

По оценкам экспертов, 10% наиболее обеспеченных россиян владеют 89% совокупного благосостояния всех российских домохозяйств, за год эта доля выросла на 2 процентных пункта. Она существенно больше, чем в других больших экономиках, сравнивают авторы обзора: в США на долю 10% самых обеспеченных приходится 78% благосостояния страны, в Китае – 73%. Высокая концентрация богатства находит свое отражение в том, что по числу миллиардеров Россия уступает только Китаю и США, отмечают эксперты. В то же время более 70% взрослого населения России относится к менее обеспеченной половине населения мира, в том числе четверть россиян – в числе самых бедных 20% человечества [68, с. 6].

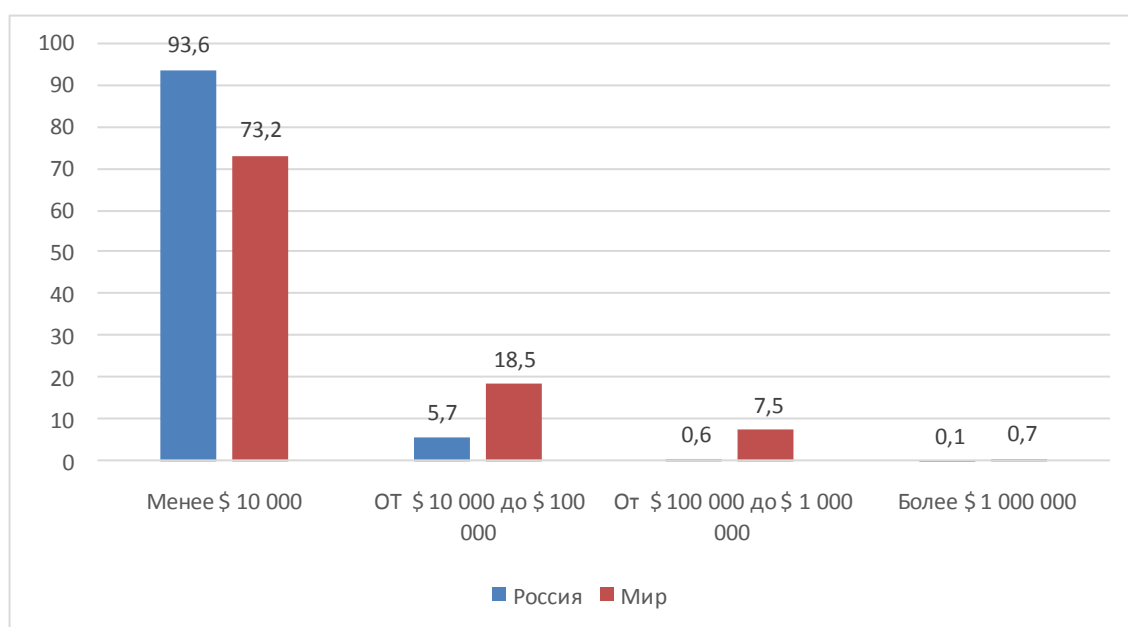


Рисунок 5 – Распределение богатства в России и Мировом среднем (% взрослого населения)

Разрыв в доходах считали по статистическим показателям, используя так называемые коэффициент Джини и коэффициент фондов. Первый изменился с 0,399 до 0,400, второй оказался динамичнее. Разница в доходах самых богатых и самых бедных 10% населения выросла с 14,1 до 14,3 раза. Этот рост является небольшим и остается ниже значений, которые были зафиксированы в первом полугодии 2013 – 2014 годов.

В развитых странах 17% совокупного благосостояния миллиардеров заработано на инновациях, 36% – в обрабатывающей промышленности; в

посткоммунистических странах – только 1 и 7%, соответственно, сравнивал Европейский банк реконструкции и развития. Источник почти 60% богатства миллиардеров посткоммунистического региона – сырьевой сектор (включая металлы): до падения нефтяных цен Россия многие годы была второй в списке Forbes по числу миллиардеров, уступая только США [61, с. 4].

Если в 1999 – 2000 годах в мировом списке миллиардеров журнала Forbes вообще не было ни одного россиянина, то в 2010 году, по версии журнала, в России уже 62 человека с состоянием свыше \$1 млрд. В лидерах – щедро одаренный за «Сибнефть» Роман Абрамович (4-е место с \$11,2 млрд) и Олег Дерипаска (5-е с \$10,7 млрд), на помощь которому Путин выделил огромные средства в ходе кризиса. В списке миллиардеров – близкие друзья Путина: Тимченко, братья Ротенберги, Ковальчук.

По рейтингу журнала в 2006 году в сравнении с 2005 годом количество рублевых миллиардеров в России выросло с 468 до 720 (на 54%), а количество долларовых миллиардеров увеличилось в четыре раза (с 25 до 100 человек) из них 39 миллиардеров обязаны своим капиталом нефтегазовой и металлургической отраслям. Только один миллиардер владеет предприятиями в сфере высоких технологий – Евтушенков (рисунок 6).

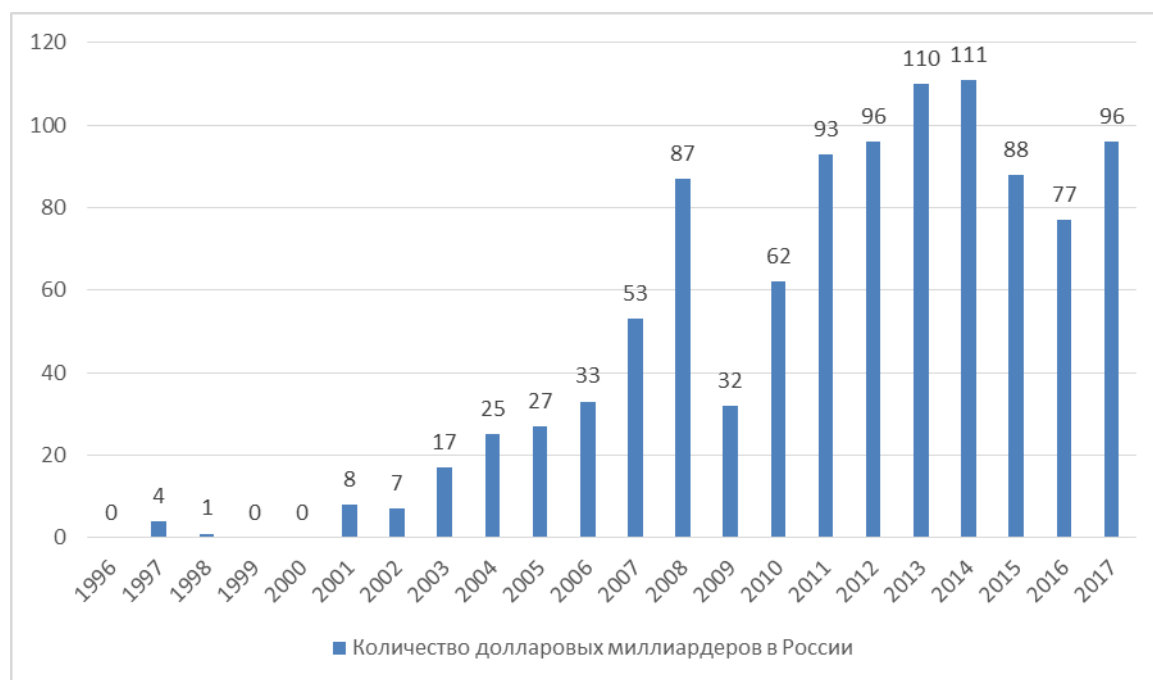


Рисунок 6 – Количество долларовых миллиардеров в России [24, с. 122]

Общее достояние миллиардеров России оценивается в 291 миллиард долларов, что в переводе на рубли составляет 8 триллионов 206 миллиардов рублей (в 1000 раз больше, чем ассигнуется на все четыре национальных проекта, вместе взятых). Состояние самого богатого человека России Дерипаски составляло 28,6 миллиарда долларов. Личные капиталы 25 самых богатых семей России превышают государственный бюджет. 40 российских миллиардеров являются депутатами Думы и Совета Федерации.

Одна из причин в том, что выросли доходы у обеспеченных слоев населения. Кроме того, повысилась доля расходов на покупку товаров и оплату услуг (с 74,3 до 75,8%) и уменьшилась доля сбережений (с 10,9 до 8,1%) [31. С. 5].

20 апреля 2017 года, российский Forbes опубликовал рейтинг богатейших российских предпринимателей. Совокупное состояние 200 богатейших бизнесменов выросло на \$100 млрд, до \$460 млрд, число миллиардеров увеличилось с 77 до 96. Первое место в рейтинге занял совладелец «Новатэка» и «Сибура» Леонид Михельсон, его состояние оценено в \$18,4 млрд.

Больше всего разбогатели бизнесмены, в структуре активов которых преобладают металлургические компании. Акции в этом секторе росли быстрее других – отраслевой индекс RTS Metal & Mining за указанный период прибавил 93%.

В результате в группу предпринимателей с самым высоким приростом попало семь «металлургов»: состояние владельца Новолипецкого металлургического комбината (НЛМК) Владимира Лисина F 3 выросло на \$6,8 млрд, владельца «Северстали» Алексея Мордашова F 2 – на \$6,6 млрд, Сулеймана Керимова F 21 (основу состояния которого составляют акции золотодобывающей компании «Полюс», формально принадлежащие сыну Саиду) – на \$4,7 млрд. На \$4,5 млрд выросла оценка состояния главы и ключевого акционера Магнитогорского металлургического комбината (ММК) Виктора Рашникова F 14.

Самая заметная потеря нового рейтинга – это владелец банка «Русский стандарт» и производитель одноименной водки Рустам Тарико F 168. В этом году оценка его состояния оказалась ниже порогового значения на \$150 млн. Тарико присутствовал во всех списках начиная с 2004 года. На пике, в 2007 году, его состояние оценивалось в \$5,5 млрд. (приложение А).

Согласно проведенным исследованиям, составлен список самых доходных профессий (рисунок 7).

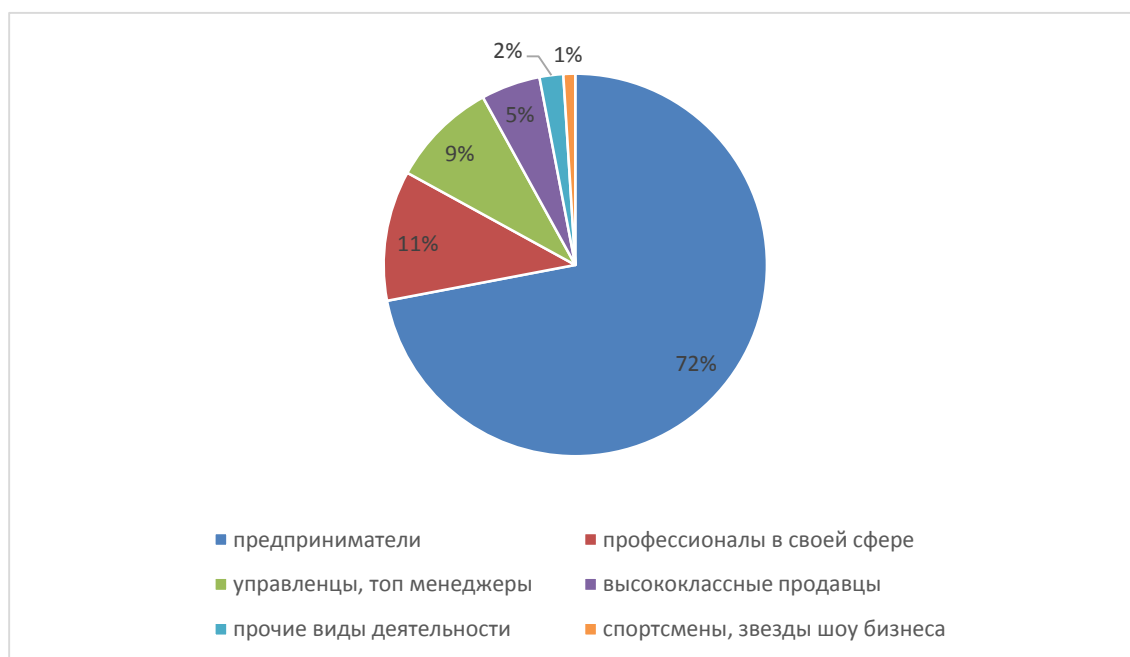


Рисунок 7 – Распределение населения, относящихся к категории богатых по роду их деятельности [37, с. 115 – 117]

Так сколько же получают богатые?

Начнем с известного всему населению факта выплаты премии главному «почтмейстеру». Размер этой премии составил 95 000 000 рублей. За год. То есть месячный доход по результатам одной такой премии составляет 7 916 000 рублей в месяц. Только о каких эффективных управленческих достижениях директора почты идет речь, если почтальон получает от 6 000 до 8 000 рублей в месяц? Вот это и непонятно! Кроме премии у директора Почты России есть еще и оклад. Он составляет 300 000 рублей в месяц. Но это так – мелочи [69, с. 98].

В рамках дебатов и споров вокруг данной премии, было ясно и открыто заявлено (может быть – случайно, поспешно и неосторожно), что такая система

выплат сейчас закреплена даже на законодательном уровне. И что такие премии получает абсолютное большинство «избранных» товарищей, которые ну никак не хотят затягивать пояса.

Председатель правления «Газпрома» Алексей Миллер возглавил рейтинг. Его вознаграждение за 2015 год издание оценило в \$17,7 миллионов. Что составляет 1 475 000 долларов в месяц или 95 875 000 рублей ежемесячного дохода.

Второе место занял главный исполнительный директор «Роснефти» Игорь Сечин. Его доход Forbes оценил в \$13 миллионов за год или чуть более 1 000 000 долларов в месяц. Ну как «чуть» – 1 083 000 долларов в месяц или 61 166 000 рублей в месяц.

На третьем месте президент и председатель правления Сбербанка Герман Греф, вознаграждение которого Forbes за предыдущий год оценил в \$11 миллионов. Это 916 666 долларов в месяц, что составляет соответственно 56 833 000 рублей в месяц.

За ним идут генеральный директор группы ОНЭКСИМ Дмитрий Разумов и член совета директоров USM Holdings Иван Стрешинский – вознаграждение каждого из них журнал оценил в \$10 миллионов долларов – 833 000 долларов в месяц или 51 666 000 рублей в месяц [48, с. 160 – 162].

Следом в первой десятке рейтинга идут генеральный директор ОК «Русал» Владислав Соловьев, оценка вознаграждения – \$7,4 миллионов – 616 000 долларов в месяц – 32 233 000 рублей в месяц.

Президент и глава правления АФК «Система» Михаил Шамолин, оценка вознаграждения – \$7,4 миллионов, 616 000 долларов в месяц – 38 233 000 рублей в месяц.

Глава правления ВТБ24 Михаил Задорнов оценка вознаграждения – \$6,5 миллионов, 541 000 долларов в месяц или 33 247 000 рублей в месяц.

Председатель правления Газпромбанка Андрей Акимов, оценка вознаграждения – \$6,3 миллионов, 525 000 долларов в месяц или 32 550 000 рублей в месяц.

Гендиректор «Открытие Холдинга» Рубен Аганбегян оценка вознаграждения – \$6 миллионов или 500 000 долларов в месяц, что составляет 30 000 000 рублей в месяц [48, с. 162 – 164].

Процент официальных бедных и богатых в России относительно невелик, и основная часть населения (60-70 %) представлена средним классом, в котором уровень жизни практически не различается. Доля богатых домохозяйств составляет примерно 6% от общего числа обследованных, доля бедных около – 44%, а обеспеченная часть среднего слоя – 30%. Если представить данную ситуацию графически, то мы не сможем увидеть этапы или ступени перехода с одного уровня жизни на другой, так как в отечественной экономике есть лишь ступень «крайней бедности» (нищеты) и верхняя ступень «богатства и благополучия», а посередине пологая линия. Такая ситуация не позволяет обеспечить устойчивый экономический рост, поскольку уровень дохода большей части российского среднего класса не позволяет обеспечить нормальное воспроизводство человеческого капитала и соответствующий уровень жизни [55, с. 33].

С началом рыночных реформ в нашей стране начинает формироваться группа людей, которые по своим параметрам напоминали средний класс на Западе. Существенный удар по нарождающемуся среднему классу был нанесен кризисом 1998. Это событие практически низвело огромную массу российской интеллигенции на позиции низшего класса («новые бедные») и развело общество по доходам на два полюса. Последующий экономический подъем вновь усилил консолидацию среднего класса. Однако и в настоящее время этот процесс далек от завершения. Относительно недавно (в 90-е годы прошлого столетия) социологи говорили, что среднего класса в стране нет. Хотя, по словам Игоря Березина «не бывает страны совсем без среднего класса. Его

может быть больше или меньше, но, как таковой, он есть всегда». В 90-е годы его численность была менее 15%.

Бурный рост среднего класса в России пришелся на начало 2000-х. К 2003 – 2004 годам российский средний класс в количественном отношении достиг максимального уровня.

Нынешний средний класс состоит как бы из двух групп: первая – постсоветские, приспособившиеся к новым условиям распорядители, сохранившие за собой выполнение административных функций (ГАИ, МВД, госслужба), позволяющих иметь дополнительный и относительно высокий доход в виде взяток и «комиссионных» или получивших в результате приватизации крупные пакеты акций предприятий, какую-то недвижимость и т.п.

Вторая группа – это новый средний класс, формирующийся в результате появления новых профессий и рыночной экономики в целом. Нынешний российский средний класс малочисленнее советского среднего класса.

Таким образом, в современной России есть относительно небольшой «настоящий» средний класс (примерно 20 – 25% всего населения) и многочисленные протосредние слои (еще примерно 60%), представители которого обладают лишь частью признаков среднего класса. Эту ситуацию можно проиллюстрировать тремя пересекающимися кругами, каждый из которых символизирует тех людей, у которых есть хотя бы один из трех признаков среднего класса (рисунок 8). «Ядро» соответствует «настоящему» среднему классу, прочие зоны – протосредним слоям. В дальнейшем, возможно, будет происходить сближение российского среднего класса с его западным аналогом за счет диффузии представителей протосредних слоев в «ядро».

Выделяемые субклассы имеют не только разные внешние характеристики, но и противоположные взгляды, и ценностные установки. Например, материально ориентированная группа людей (те, которые относятся

к среднему классу по уровню доходов и стандартам жизни) придают большое значение достигнутому материальному положению, низко ценя «уважение».

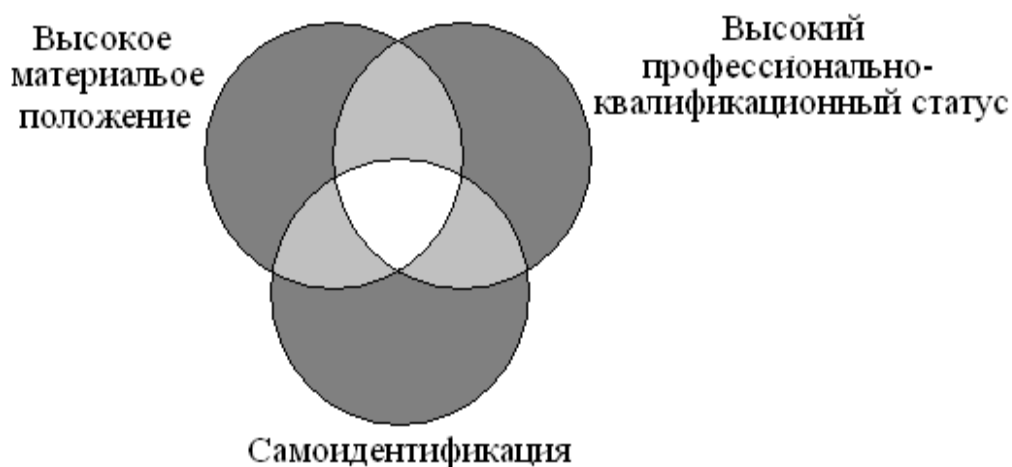


Рисунок 8 – «Ядро» среднего класса и просто средний слой [52, с. 71]

Противоположная группа – так называемые идеалисты (они относятся к среднему классу по «личному достоинству») – ориентированы на социально-статусные отличия (ученая степень, знаки отличия и т.д.), не всегда связанные с заработком.

Если рассматривать по специальностям, то к среднему классу чаще всего относятся:

- менеджеры среднего и высшего звена;
- чиновники, государственные служащие в старших офицерских рангах и выше;
- IT-специалисты (в первую очередь – программисты, тестировщики и хорошие дизайнеры);
- владельцы малого и среднего бизнеса;
- врачи специализаций с большим спросом (стоматологи, гинекологи, хирурги);
- преподаватели по предметам с большим спросом (английский язык, точные науки) (рисунок 9).

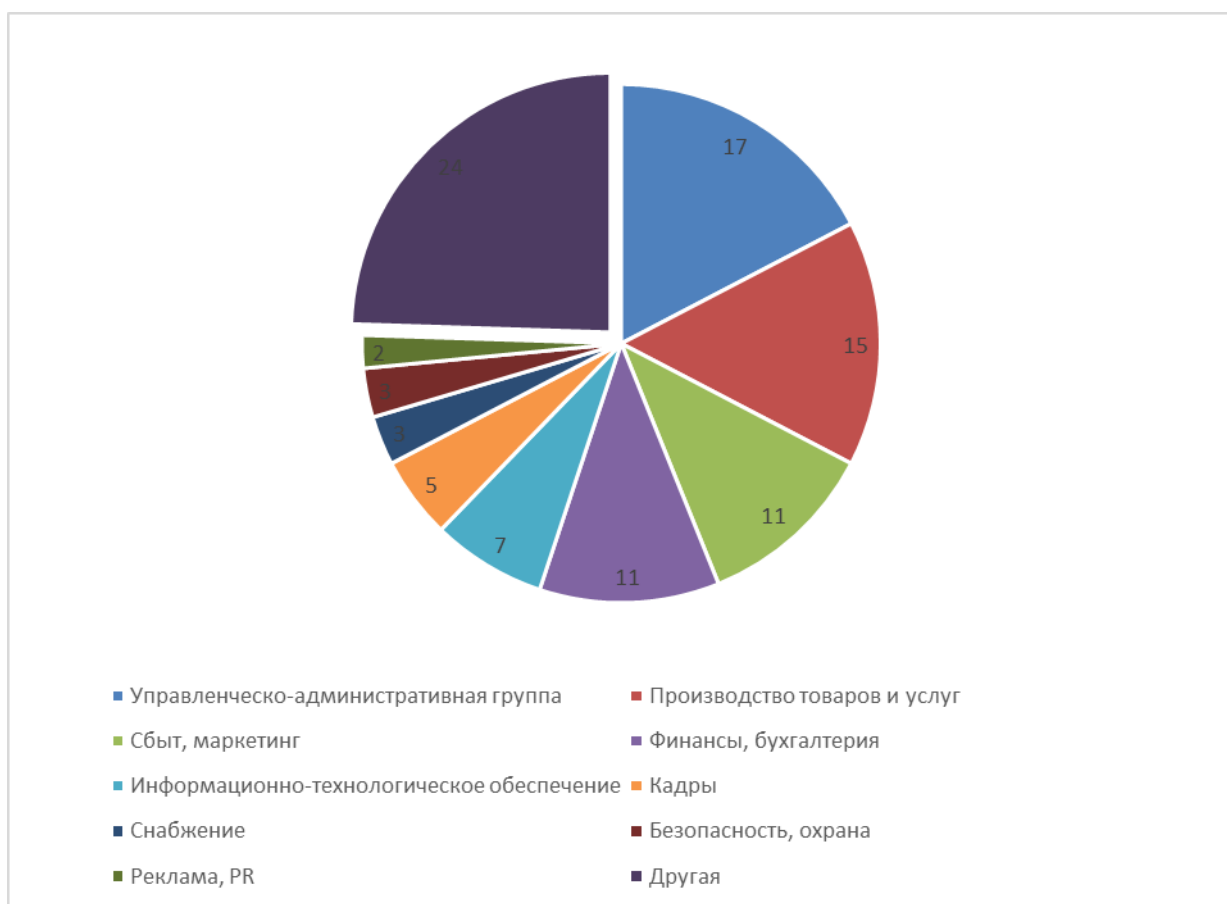


Рисунок 9 – Распределение населения, относящихся к категории среднего класса по роду их деятельности [55, с. 36 – 39]

Рост среднего класса произошел в период 2003 – 2008 годов, сокращение его численности во время кризиса 2008 – 2009 гг. и восстановление в 2010 г., после чего последовал новый этап его небольшого роста. Согласно этим данным, средний класс вырос с 29% до 34% за период с 2003 по 2008 год, сократился до четверти населения в период кризиса и вновь вырос, достигнув к настоящему времени 42% населения страны. Однако, как отмечалось выше, не все представители среднего класса однородны с точки зрения.

В 2016 году численность выделенного таким образом СК составила 42% населения в целом и 44% работающих россиян [49, с. 22].

Обыденное понимание среднего класса как промежуточного слоя между богатым и бедным населением опасно своей обманчивостью. При такой трактовке в средний класс попадают семьи, в которых на душу населения

приходится 13 тыс. руб. ежемесячного дохода и 21 кв. метр общей площади, а также половина легкового автомобиля на всех.

Очевидно, что это пародийная картина на реальный средний класс в развитых странах, где для попадания в этот слой обычно необходим постоянный месячный доход на каждого члена семьи в 2 – 2,5 тысячи долларов, не менее 40 метров общей площади и 2 – 3 легковые машины на семью. Доходы выше среднего, высокий социальный статус, квалификация и причисление себя к среднему классу еще не является гарантией вхождения в этот слой».

В соответствии с этими критериями, средний класс в России составляет около 20%, а в городском населении – все 30%. «Однако в реальности доля среднего класса вряд ли превышает 7%, так как у большей части тех, кто туда себя записал, не хватает ресурсов, чтобы устойчиво отличаться от тех, кто находится в группе ниже среднего», – отмечает Малева.

Основная часть самопровозглашенных членов среднего класса больше похожа на бедных, и восемь лет экономического роста не стали гарантией формирования среднего класса. Попасть в средний класс из нижних слоев общества сейчас практически невозможно, так как социальные лифты уже не работают» [20, с. 7]

Определяющим фактором социальной дифференциации в России является региональный аспект. Как было отмечено выше, одни регионы обладают развитой инфраструктурой и производительными силами и соответственно наиболее благоприятны для вложения капитала, в других инвестиционная активность снижается и естественно растет безработица (10 – 12% по сравнению с 1 – 2% в «благополучных» субъектах).

Для начала чисто географический момент: жители мегаполисов получают больше, чем жители малых городов и сел. Это объективная статистика. Что здесь упускается из вида – так это социальная мобильность населения. В Москве работают не только миллионы жителей Подмосковья, где официальная зарплата в полтора раза меньше, но и миллионы приезжих из регионов, которые

живут без регистрации. То же самое в меньших масштабах касается Санкт-Петербурга и других городов-миллионников.

В целом, по нашей оценке, примерно 20% трудоспособного населения трудится в столицах и имеет зарплату выше средней, еще около 15-20% работают в миллионниках и получают 30-40 тысяч [81, с. 305]

Регионы с низким уровнем развития не привлекательны для населения с точки зрения комфортного проживания на их территории. Как правило, всегда есть часть людей, которая может выбрать наиболее благоприятный и подходящий для себя регион, и часть людей, которая не имеет такой возможности. Такая ситуация способствует росту межрегиональной дифференциации в уровне жизни населения.

Поскольку Россия является страной с самой высокой географической диверсификацией, то в такой стране (территориально отдаленных друг от друга регионах) дифференциация по доходам, при прочих равных условиях, всегда будет больше, чем в небольшой стране с однородными географическими и климатическими условиями. Поэтому высокая межрегиональная и межотраслевая дифференциация доходов в некоторой степени обуславливает высокую социальную дифференциацию в целом в России по сравнению с другими странами.

В 2016 году самыми обеспеченными регионами России признаны ХМАО и ЯНАО. Такое заключение экспертов получено путем оценки уровня средней заработной платы по регионам, с учетом безработицы. При этом доход России сопоставили с прожиточным минимумом в каждом исследуемом крае, с целью отображения реальных сумм и более наглядного представления. Полученный показатель в среднем по России достигает отметки 3,9 балла.

На первом месте Ямало-Ненецкий автономный округ, который шестой год подряд является бессменным лидером рейтинга. По итогам 2016 года в ЯНАО в семье с двумя работающими родителями со средним по региону заработком и двумя детьми после минимальных жизненно необходимых затрат

остается 103,4 тысячи рублей, при этом отрыв от второго места значительно увеличился, хотя годом ранее Чукотский автономный округ почти догнал лидера.

В 2016 году среднемесячный остаток среднестатистической семьи с двумя детьми, проживающей на Чукотке, составил 96,8 тысяч рублей. Тройку лидеров замыкает г. Москва, где в среднестатистической семье с двумя детьми остается 81,4 тысячи рублей. Еще в пяти российских регионах свободный остаток денежных средств семьи со средним заработком работающих превышает 50 тысяч рублей. К ним относятся Сахалинская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ненецкий автономный округ, Магаданская область и г. Санкт-Петербург.

Замыкают первую десятку Республика Саха (Якутия) и Мурманская область, которая, благодаря росту свободного денежного остатка семей на 19%, вытеснила из лидирующей группы Московскую область (приложение В).

Лидерами оказались:

- Чукотский АО, где средние заработные платы выше установленного прожиточного минимума почти в 6 раз (5,76).
- Ямал – рассматриваемый показатель равен 5,65.
- ХМАО – 5,18.
- Тюменская область – 4,93 [76, 58].

В числе бедных в России регионов оказались:

- Свердловская область – показатель, используемый для сравнения, находится на отметке в 3,91 (средняя отметка по России).
- Пермский край – ситуация здесь несколько хуже – 3,59.
- Смоленская область – 2,73 [76, с. 82].

Статистика богатых и бедных городов России показывает иную картину, не совпадающая с приведенными цифрами по регионам. На 1 месте находится Приморск, Ленинградская область – средняя заработная плата в городе в 9 раз превышает прожиточный минимум; Надым – средняя зарплата 90,4 тыс. руб.,

что значительно выше, чем в любом другом регионе страны, Новый Уренгой, Лянтор, Нарьян-Мар, Сургут.

Самыми бедными городами РФ признаны: Юрюзань – показатель 1,81 и Армавир [84, с. 5 – 11].

Наблюдается очевидная тенденция смещения российской бедности в сторону малых городов и сельских поселений. Если в среднем по России по данным опроса и примененной нами методике насчитывается 23,4% живущих за чертой бедности, то на селе – 30,6%, в малых городах – 24,2%, а в крупных областных и столичных регионах – 18 – 19%.

По данным социального опроса большинство россиян (85%) не ожидают в следующем году положительных изменений в вопросе социального неравенства в России, приводит результаты опроса «Рамблер».

Так, отвечая на вопрос о том, как в России в 2018 году изменится ситуация с разницей в доходах бедных и богатых, социальное неравенство, 45% опрошенных ответили, что «изменений не будет», 40% считают, что разрыв «вырастет». И только 5% респондентов думают, что этот показатель «сократится» (рисунок 10).

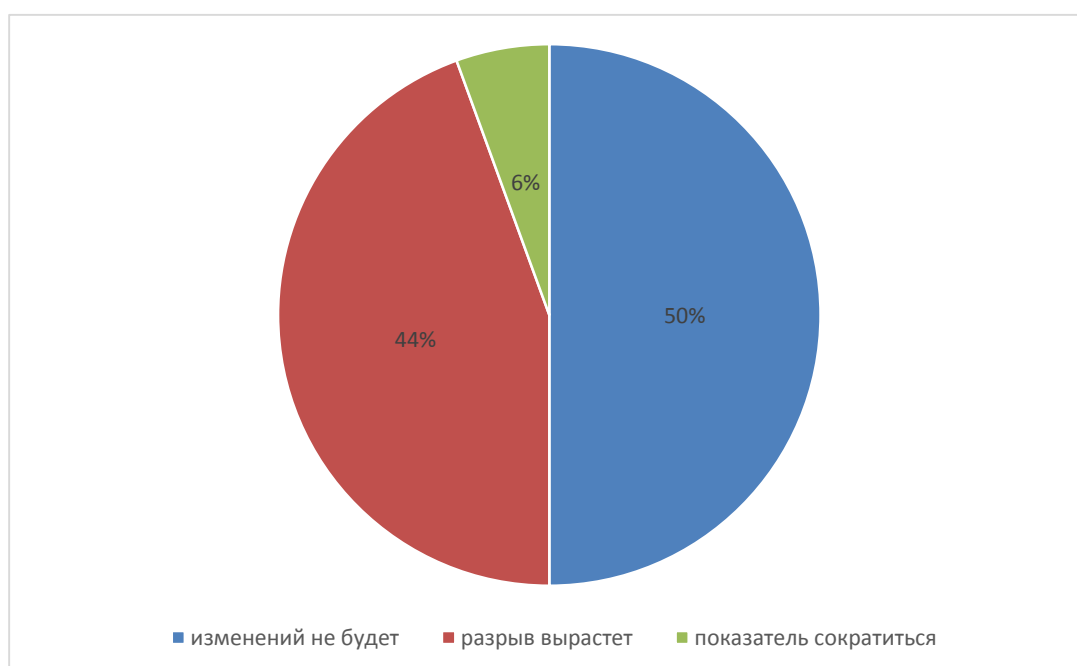


Рисунок 10 – Результаты опроса «Изменится ли ситуация с разницей в доходах бедных и богатых» [63]

«Самые пессимистичные прогнозы люди дают в ответ на вопрос о динамике социального неравенства: в представлении 85% ее не будет или она будет негативной», – говорится в результатах опроса.

По данным опроса, россияне не выражают оптимизма и в вопросе изменения качества жизни в наступающем году: 45% респондентов ответили, что качество жизни в стране не изменится, а 21% считают, что качество жизни снизится. Однако, как следует из данных опроса, 19% россиян все же склонны думать, что качество жизни в России повысится (рисунок 11).

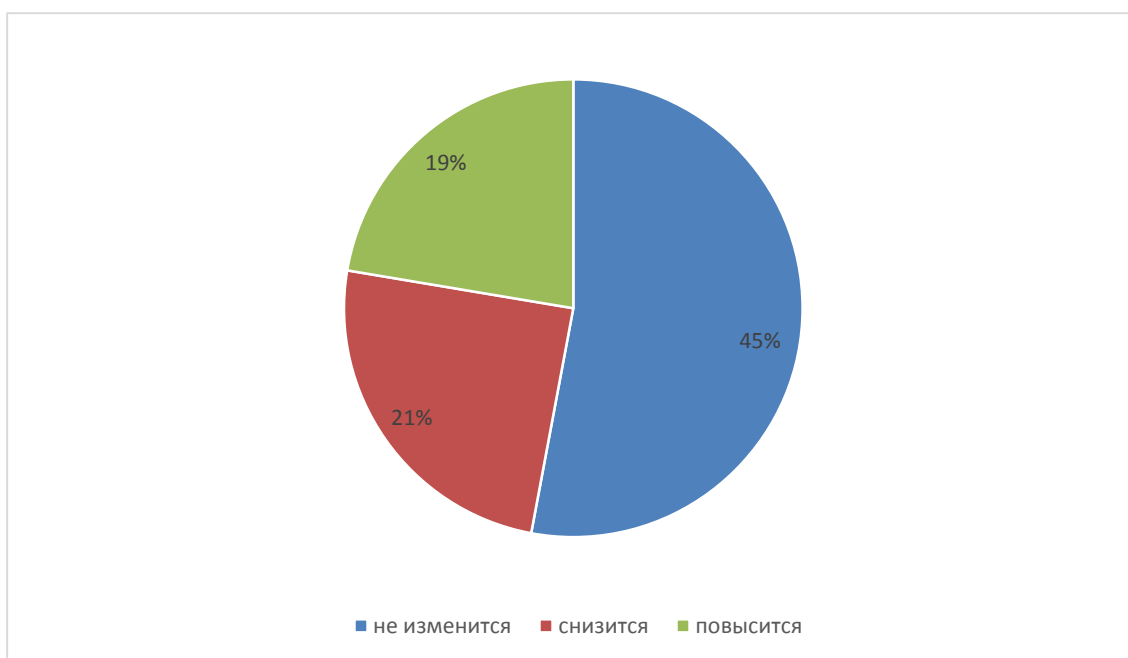


Рисунок 11 – Результаты опроса «Изменение качества жизни населения» [63]

Опрос проведен 11 декабря 2017 года в 53 субъектах РФ, 104 населенных пунктах, опрошено 1,5 тысяч респондентов.

3 Перспективы сглаживания социального неравенства в современном российском обществе

Необходимость преодоления избыточного неравенства диктуется не только злобой дня, но и особенностями переживаемого страной периода. Выходя из затяжного кризиса, она должна определиться со стратегическими ориентирами и приоритетами дальнейшего развития. Мировой опыт, да и уроки нашей собственной новейшей истории говорят о том, что в основу стратегии страны должен быть положен переход к обществу нового, инновационного постиндустриального типа, в котором высшей ценностью и главным фактором выступает человек, его интеллектуальный и социальный капитал.

В любом случае в центре социальной политики стоит краеугольная задача преодоления избыточного неравенства, представляющая ее своеобразный «гордиев узел», не разрубив который нельзя открыть простор для развития человеческого капитала, а значит и для развития общества в перспективном направлении.

Эффективная модель управления государственной социальной политикой должна подразумевать создание условий для развития социального обеспечения с помощью негосударственного сектора. Результат структурных социально-экономических изменений непосредственно зависит от уровня участия, как общества, так и поддержки действий государства.

Построение эффективных механизмов должно основываться на мобилизации общественного потенциала как основного элемента государственной социальной политики. В этом случае новая политика будет основываться на стремлении граждан помочь в решении социальных проблем и активно способствовать социальному развитию. При этом наиболее важная задача развития общества в этом направлении состоит в том, чтобы преодолеть ситуацию, где бедные и уязвимые группы – единственные получатели

государственной помощи. Социально ориентированная и благотворительная деятельность должна быть направлена и на те группы, которые готовы принять участие в реализации социально значимых программ (на национальных, региональных и местных уровнях управления). В стране индексируются пенсии, вводятся новые социальные пособия, но сам маховик, запущенный распределительной системой, работает в интересах финансовой олигархии. И чтобы остановить этот маховик, нужны комплексные реформы. Среди этих мер можно было бы отметить следующие.

В области отношений собственности:

Обеспечение реального равноправия всех форм собственности – государственной, корпоративной, частной, кооперативной, смешанной и т.д. – всех видов легального предпринимательства, их взаимодействия в достижении наибольшего экономического и социального эффекта, при максимальной поддержке тех его форм, которые в этом особенно нуждаются (мелкий и средний бизнес):

- в целях легитимации капитала введение (как альтернативы переделу собственности и произвольной дани, устанавливаемой властью для больших и малых олигархов) «социального налога» на неправомерно приватизированную собственность, а также прогрессивного налога на имущество, имея в виду, прежде всего обложение им крупных состояний; создание прозрачной системы распределения природной ренты;
- демократизация и «социализация» корпоративного капитала, приоритетное распространение акций среди персонала корпораций и среди широких слоев населения, развитие доверительных форм управления акциями, надежная защита интересов миноритарных акционеров, открытость и прозрачность деятельности корпораций.

Создание систематизированной законодательной базы социальной активности бизнеса в партнерстве с государственными органами и институтами гражданского общества, предусматривающей, с одной стороны, запрещение

принудительных мер, а с другой, - поощрение социальной активности бизнеса, прежде всего через налоговую политику; создание соответствующей системы независимых инвестиционных фондов (эндаументов).

Особое внимание следует уделить малому и среднему бизнесу, которые регламентируются Федеральным законом от 24.07.2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [7].

Многочисленность среднего класса является одним из наиболее характерных индикаторов благополучия общества. Для стран с численным преобладанием представителей среднего класса характерна отлаженная работа социально-экономических, а также политических институтов.

Малый бизнес, как сегмент экономики, способен к наиболее ускоренному развитию, чему способствует либо препятствует социальная и экономическая политика государства. Представители малого бизнеса способны стать надежными партнерами государства в разрешении проблемы социальной напряженности и разрыва в плане материальной обеспеченности между различными слоями населения, т. к. малый бизнес – это, прежде всего, по своим финансовым возможностям связующее звено между немногочисленной материально обеспеченной частью населения и огромным количеством людей, относящимся к малообеспеченной части населения. Представители малого бизнеса в перспективе могут стать надежной опорой демократической системы. Развитие и укрепление малого бизнеса как активного участника социально-экономической и политической жизни страны является одним из ключевых факторов наиболее ускоренного становления и укрепления среднего класса в лице предпринимателей в Российской Федерации. В Концепции долгосрочного развития Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, стоит задача увеличения доли среднего класса в общей численности населения России к 2020 году до 50 % [15]. Для решения данной задачи на сегодняшний день государством

принимается ряд мер, способствующих становлению и развитию малого бизнеса, как составной части среднего класса.

Предприниматель полностью поглощен своей трудовой деятельностью, при этом большинство предпринимателей не уверены в том, что данный вид деятельности, приносящий доход сегодня, сможет также работать и приносить прибыль завтра. Как правило, малые предприниматели имеют несколько видов деятельности, которые являются выгодными в рамках определенного отрезка времени. Данное обстоятельство указывает, прежде всего, на крайне неустойчивое положение малого предпринимателя, трудящегося в существующей социально-экономической системе. Причиной тому являются зачастую препятствия и ограничения не только формально-законодательного характера, но и проблемы в рамках неформальных экономических отношений.

О функции ретрансляции национальной культуры российскими предпринимателями говорить преждевременно, это должно стать одним из приоритетных направлений развития социально-экономической и политической системы. Малый бизнес может внести более весомый вклад в развитие среднего класса в России только при наличии комплексной и системной поддержки со стороны государства.

В политике доходов.

Во-первых, перестройка всего каркаса распределительных отношений по принципу регрессивной шкалы – чем ниже доход, тем выше темп его роста.

Во-вторых, в государственном секторе, где сосредоточено более трети занятого населения, а зарплата на треть меньше средней по стране, удвоение в течение трех лет реальной оплаты труда специалистов в здравоохранении, образовании, науке и культуре.

В-третьих, изменение системы установления прожиточного минимума, обозначающего границу бедности; он должен определяться не субъективными расчетами потребительской корзины, а, как делается в западных странах, - в

процентах к средним доходам (40 или 50%); именно с такой величиной должно сопрягаться установление минимальной оплаты труда, пенсий и пособий [6].

В-четвертых, введение прогрессивного налога, который существует во многих странах. Так, подоходный налог на сверхдоходы составляет в США - 40%, Швеции и Франции - 60%. В России же действует единая для богатых и для бедных плоская (13%) шкала. Людей с доходом до 30 тыс. руб. в месяц от налога можно вообще освободить. Для доходов выше этой суммы ввести прогрессивную шкалу налогообложения». Эта схема работает в большинстве стран мира. Например, во Франции доход домохозяйства до 809 евро в месяц (50 тыс. руб.) не облагается налогом, с дохода до 140 тыс. руб. налог платится по ставке 14%, дальше – больше. Максимальная ставка – 41% .

Разрывами в доходах Россия обязана межотраслевой дифференциации, которая сложилась в российской экономике. Конкурентными по уровню дохода остаются лишь те отрасли, эксплуатирующие природные ресурсы, а также финансовый сектор, участвующий в перераспределении выручки от экспорта.

К числу самых доходных сфер следует еще отнести и госслужбу – одну из самых коррумпированных систем. Статья 8 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» устанавливает обязанность государственных гражданских служащих и членов их семей представлять сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера [8].

Также следует упомянуть Федеральный закон от 08.06.2015 года № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11].

Он направлен на создание правового механизма добровольного декларирования активов и счетов (вкладов) в банках, обеспечение правовых гарантий сохранности капитала и имущества физических лиц, защиту их имущественных интересов, в том числе за пределами Российской Федерации,

снижение рисков, связанных с возможными ограничениями использования российских капиталов, которые находятся в иностранных государствах, а также с переходом Российской Федерации к автоматическому обмену налоговой информацией с иностранными государствами.

Система деклараций существует во многих странах мира, однако единого стандарта нет, и в каждой стране система имеет свои особенности. В то же время все системы строятся вокруг двух ключевых целей: предотвращения незаконного обогащения или урегулирования конфликта интересов.

Коррупция и неравенство подпитывают друг друга, создавая порочный круг из коррупции, неравного распределения влияния в обществе и неравного распределения богатства. В борьбе с коррупцией недостаточно только технических поправок законодательства. Необходимы срочные глубокие системные реформы, которые сгладят растущий дисбаланс путем расширения возможностей граждан, чтобы остановить широко распространенную безнаказанность за коррупцию, и дать гражданам мощный стимул и реальное право голоса в принятии решений, которые влияют на их повседневную жизнь.

Эти реформы должны включать в себя раскрытие через государственные реестры конечных бенефициаров компаний, а также санкции за профессиональное пособничество в отношении всех, кто замешан в коррупционном движении денег, утекающих через границы.

В социальной сфере:

Увеличение в течение трех-четырех лет как минимум вдвое государственных расходов на социальные цели при повышении их удельного веса в ВВП, с целью создания эффективной системы равного и бесплатного доступа всех граждан к базовому кругу качественных услуг здравоохранения и образования, расширения возможностей их приобщения к культурным ценностям и физической культуре; это не исключает развития и коммерческих форм предоставления социально-культурных услуг, однако такими способами, которые не вызывают серьезного обострения социальных противоречий.

Повышение в те же сроки примерно вдвое социальных трансфертов, размеров пенсий и пособий с учетом прожиточного минимума; разработка мер, способствующих выходу получателей пособий по бедности из «иждивенческого» состояния.

Изменение и расширение финансовой базы социальных расходов; базой социального налога должна быть не заработная плата, что неизбежно провоцирует увод зарплаты в тень и подрывает тем самым главный источник социальных расходов, а валовой или чистый доход, полностью проходящие через бухгалтерский учет.

В России не работают «социальные лифты», связано это с системой образования. Доступ к социальному образованию становится более социально сегрегированным: только для богатых и только за большие деньги. И возникает порочный круг: семьи с более высоким уровнем дохода могут направлять детей в лучшие образовательные учреждения, соответственно, потом те будут получать больший доход. Бедные же в подавляющем большинстве лишаются этого шанса обеспечить себе достойную жизнь.

Коренным образом предстоит также улучшить качество образования – и школьного, и университетского, в частности переработать Федеральный закон от 29.12.2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [9]. Но больше всего должно улучшиться профессиональное обучение, где ставку надо сделать не только на приобретение знаний, но главное – на навыки и умение, которые являются самой отсталой частью квалификации наших работников.

Нынешней России нужна социальная политика, увязывающая индивидуальные и групповые ценности и цели с коллективными, с общим благом народа. Именно такая политика обеспечит сочетание либерального принципа частной инициативы и предприимчивости с коммунитарными ценностями общественной солидарности, взаимной социальной ответственности граждан, бизнеса, общественных институтов и государства.

Только такая политика может быть действительно публичной, выражать общенациональные интересы, аккумулируемые властью в обстановке максимальной гласности, с широкой опорой на гражданское общество. Демократизации социальной политики способствовало бы образование сети общественно-государственных комиссий, советов, комитетов при органах власти всех уровней для привлечения гражданской общественности и независимых специалистов-экспертов к разработке конкретных проблем социальной политики и осуществлению контроля за выполнением принятых решений.

Назрела потребность в принятии законов о лоббировании и гражданской экспертизе, которые упорядочили бы систему этих процедур и обеспечили бы их прозрачность и открытость, поставили заслон коррупции и всякого рода подковерным действиям.

К 2025 году надо поставить задачу, чтобы в России не было семей, душевой доход которых будет менее 15 тыс. руб. При этом среднедушевой доход с 30 тыс. увеличится к тому времени до 40-45 тыс. руб. (в ценах 2017 года).

Чтобы столь сильно подтянуть уровень жизни малообеспеченных семей, предстоит минимум зарплаты повысить до 20-25 тыс. руб. при увеличении средней зарплаты (без учета обязательного самофинансирования пенсий, страховки по здравоохранению, перехода на рыночные цены по ЖКХ и введения нормального налога на недвижимость в размере 1% ее рыночной цены) с 35 тыс. до 50-55 тыс. руб.

Одновременно должны быть повышены пенсии с 35 до 50% к уровню средней зарплаты, введены более высокие пособия для детей и вдвое умножен размер материнского капитала. При этом существующая система социальной помощи за счет государства должна быть переориентирована прежде всего для оказания помощи малообеспеченным семьям, в то время как сегодня основные средства достаются средне- и высокообеспеченным гражданам.

При увеличении ожидаемой продолжительности жизни и размера пенсии возраст выхода на пенсию может быть повышен примерно на пять лет. В связи с этим численность трудоспособного населения страны увеличится на 10 млн чел., что компенсирует предстоящее сокращение этой численности в связи с возрастными сдвигами.

Финансирование образования и здравоохранения в сопоставимых ценах предлагается увеличить в 2 – 2,5 раза. Это позволит нам увеличить ожидаемую продолжительность жизни с 72 лет в 2016 году до 79 лет в 2025 году, сократить смертность с 1,9 до 1,5 млн чел., в том числе трудоспособного населения – с 470 до 230 тыс. чел., и младенческую смертность с 6 на 1000 родившихся живыми до 3,5.

Заметим, что примерно такой же рывок мы сделали в последние 10 лет, сократив смертность населения с 2006 года на 400 тыс. человек, в том числе в трудоспособном возрасте – на 270 тыс. чел., увеличив продолжительность жизни с 65,3 до 72 лет и преодолев депопуляцию населения, которая в 2005 году составляла более 800 тыс. человек [44, с. 10].

Комплекс всех этих мероприятий позволит сократить разницу в доходах бедных и богатых семей с 15 раз до 8–10 раз – до уровня стран Западной Европы.

Заключение

В ходе написания магистерской работы, автор пришел к следующим выводам.

Стратификация – олицетворение социального неравенства. Определение процессов выступающих посредниками механизмов взаимодействия между их структурными продуктами – важнейшее условие адекватного пояснения. Размышляя о факторах стратификации и становлении новой социальной структуры России, малоубедительно, говорить о последствиях перехода к рыночной экономике или кризиса отдельных отраслей или предприятий в условиях структурной перестройки. Системные, объективные факторы стратификации выступают как рамки, ограничители, социальный заказ экономики населению.

Многие современные социологи сходятся во мнении, что социальная структура современного российского общества характеризуется крайней неустойчивостью как на уровне процессов, происходящих в социальных группах и между ними, так и на уровне осознания личностью своего места в системе общественной иерархии.

Можно сказать, что, оценивая процессы стратификации в российском обществе, можно утверждать, что они приобрели для граждан страны социально- и культурно-деформированный характер. Также следует признать, что эти процессы разворачиваются в переходных условиях и в целом носят неустойчивый характер. Принадлежащие им на определенном отрезке времени признаки преобразуются, многие из них исчезают, как не выдерживают испытание практикой. В будущей модели жизнедеятельности граждан России, по нашему мнению, зафиксируются такие стратификационные характеристики, которые дадут обществу возможность интегрироваться в современную

мировую динамику при сохранении конструктивных социальных связей и духовных ориентиров.

Следует отметить, что многие социальные преобразования носят переходный характер, имея нечеткие, расплывчатые границы. Происходит тотальная маргинализация почти всех социальных групп. Новое российское государство не обеспечивает безопасности граждан и не облегчает их экономическое состояние. В свою очередь эти дисфункции государства деформирует социальную структуру общества, придавая ей криминальный характер. Возрастает имущественная поляризация общества. Современный уровень доходов не стимулирует трудовую и деловую активность основной массы экономически активного общества. Сохраняется слой населения, который можно назвать потенциальным ресурсом среднего класса. Пока в России социально-экономические приоритеты, которые характерны для среднего класса развитых стран, наблюдаются лишь в верхних слоях социальной иерархии. Формирование структуры российского общества, для которой необходимо преобразование института собственности и власти – длительный процесс.

Уникальность постсоветских трансформаций затрудняет использование классических теорий в оценке масштабов социального расслоения и разработке адекватной политики его преодоления. Динамизм трансформаций, появление несвойственных раннему капитализму социальных групп и слоев, с одной стороны, крах социализма и политики перестройки с другой, ведут к пересмотру и критическому переосмыслению классического наследия. Сегодня идет активный поиск теоретического осмысления современной социально-политической ситуации, программ, направлений минимизации социального расслоения и социального неравенства.

Во всех постсоциалистических странах ломка прежних систем социального расслоения имеет в принципе одну направленность – формирование разноресурсных групп, обладающих далеко не равными

возможностями адаптации к рыночным условиям и энергичного освоения новых возможностей.

Острые социально-экономические диспропорции, возникшие в ходе проводимых в стране реформ, представляют серьезную угрозу социально-политической, экономической и демографической ситуации в стране. Избыточное социально-экономическое неравенство и бедность оказывают существенное обратное влияние на экономическую и демографическую динамику, оно является основным препятствием для расширенного воспроизводства населения, человеческого капитала и повышения темпов экономического роста.

Существующие сегодня механизмы формирования и перераспределения доходов населения настроены и работают в пользу богатых, большая доля совокупного роста доходов уходит на рост доходов наиболее обеспеченных слоев населения, а не на повышение доходов наименее обеспеченных, им остается малая доля.

Простое увеличение бюджетных расходов не может привести к существенным изменениям в решении проблемы снижения уровня неравенства и бедности, тем более что современный кризис ограничивает возможности дальнейшего роста расходов государства на социальные нужды.

На сегодняшний день основная проблема неравенства и бедности населения лежит не в плоскости недостатка ресурсов, а в механизмах их распределения и перераспределения. Без радикального пересмотра распределительных отношений — увеличения налоговой нагрузки на сверхдоходы и увеличения доходов малоимущих, проблему нарастающей относительной бедности и увеличивающегося дисбаланса социальной структуры решить невозможно.

Государственная власть не должна существовать ради самой себя и быть в стороне от решения многосторонних социальных вопросов, когда речь идёт о социальной системе, социальном устройстве и социальном порядке.

В качестве основных направлений необходимой модернизации могут быть названы следующие: существенное изменение роли и способов взаимодействия государства с обществом; видоизменение социальных функций государства; трансформация способов государственного вмешательства и регулирования социальных отношений; децентрализация социальной политики; институциональные, организационные, структурно-функциональные преобразования в системе органов государственного и муниципального управления социальной сферой.

Сегодня социальная политика России, по сути, развивается в направлении изменения социальной роли государства в аспекте ее минимизации, отказа от патернализма, отмены государственной системы уравнительного распределения материальных и социальных благ, системы централизованного планирования и управления отраслями социальной сферы, а также активизации роли гражданского общества, некоммерческого сектора в решении проблем минимизации социального неравенства. В процессе исследования автор пришел к выводу, что процессы либерализации социального государства должны сопровождаться не только сужением его социальных функций и зоны социальной ответственности, но и одновременным воссозданием частных и общественных инициатив в социальной сфере.

В области регулирования социальных отношений и производства социальных услуг государство должно пытаться занять партнерские позиции наряду с ее «молодыми» негосударственными субъектами и тем самым распределить центры власти и ответственности между институциональными структурами общества по горизонтали и по вертикали.

Должна измениться и роль государства как основного института социального вспомоществования. Система всеобщего гарантированного социального попечительства должна трансформироваться в систему адресной социальной помощи, основанной на принципах государственных гарантий минимальной социальной обеспеченности.

Россия располагает всеми необходимыми резервами для придания социальным процессам позитивной динамики: материальными, природными, интеллектуальными, кадровыми, духовными. В стране сохраняется наукоемкая промышленность, существуют высококвалифицированные, инициативные кадры, развита фундаментальная наука, имеется значительный научно-технический потенциал, достигнуты крупные успехи по таким передовым технологическим направлениям, как биотехнологии, лазерная техника, геновая инженерия, ядерная энергетика и др. Наряду с большим человеческим капиталом, Россия обладает одним из самых впечатляющих природно-ресурсным комплексом. Объективно, в России есть реальные возможности для демографического бума, развития страны по восходящей социальной траектории. Важнейшая роль в реализации этой стратегии принадлежит политическому фактору.

Список использованных источников

1. Конституция РФ от 12.12.1993 года [Электронный ресурс] Дата обновления: 21.07.2014. Доступ из Справочной правовой системы «Консультант Плюс» – 2017.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) от 31.07.1998 года № 146-ФЗ [Электронный ресурс] Дата обновления: 27.11.2017. Доступ из Справочной правовой системы «Консультант Плюс» – 2017.
3. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: федеральный закон Российской Федерации от 19.05.1995 года № 81-ФЗ [Электронный ресурс] Дата обновления: 28.03.2017. Доступ из Справочной правовой системы «Консультант Плюс» – 2017.
4. О прожиточном минимуме в России: федеральный закон от 24.10.1997 года № 134-ФЗ [Электронный ресурс] Дата обновления: 03.12.2012. Доступ из Справочной правовой системы «Консультант Плюс» – 2017.
5. О государственной социальной помощи: федеральный закон от 17.07.1999 года № 78-ФЗ [Электронный ресурс] Дата обновления: 01.07.2017. Доступ из Справочной правовой системы «Консультант Плюс» – 2017.
6. О минимальном размере оплаты труда: федеральный закон от 19.06.2000 года № 83-ФЗ [Электронный ресурс] Дата обновления: 19.12.2016. Доступ из Справочной правовой системы «Консультант Плюс» – 2017.
7. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2007 года № 209-ФЗ [Электронный ресурс] Дата обновления: 27.11.2017. Доступ из Справочной правовой системы «Консультант Плюс» – 2017.
8. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 года № 273-ФЗ [Электронный ресурс] Дата обновления: 28.06.2017. Доступ из Справочной правовой системы «Консультант Плюс» – 2017.

9. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 года № 273-ФЗ [Электронный ресурс] Дата обновления: 29.07.2017. Доступ из Справочной правовой системы «Консультант Плюс» – 2017.
10. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 28.12.2013 года № 442-ФЗ [Электронный ресурс] Дата обновления: 21.07.2014. Доступ из Справочной правовой системы «Консультант Плюс» – 2017.
11. О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 08.06.2015 года № 140-ФЗ [Электронный ресурс] Дата обновления: 05.04.2016. Доступ из Справочной правовой системы «Консультант Плюс» – 2017.
12. О мерах по социальной поддержке многодетных семей: указ Президента Российской Федерации от 05.05.1992 года № 431 [Электронный ресурс] Дата обновления: 25.02.2003. Доступ из Справочной правовой системы «Консультант Плюс» – 2017.
13. О размере компенсационных выплат отдельным категориям граждан: указ Президента Российской Федерации от 30.05.1994 года № 1110 [Электронный ресурс] Дата обновления: 01.07.2014. Доступ из Справочной правовой системы «Консультант Плюс» – 2017.
14. О мероприятиях по реализации государственной социальной политике: указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 года № 597 [Электронный ресурс] Дата обновления: 07.05.2017. Доступ из Справочной правовой системы «Консультант Плюс» – 2017.
15. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 года № 1662-р [Электронный ресурс] Дата обновления: 10.02.2017. Доступ из Справочной правовой системы

«Консультант Плюс» – 2017.

16. Авционова Г.И. Приоритетные направления взаимодействия государства и гражданского общества в России в условиях глобального кризиса. М.: ИСПИ РАН, 2012. – 198 с.

17. Авционова Г.И. Лаптев Л.Г. Актуальные проблемы социальной политики в современной России. М.: Инфа-М, 2013. – 312 с.

18. Андреев А.Л. Ценностные и мировоззренческие аспекты социального неравенства // Социс. – 2016. – № 9. – С. 38 – 44.

19. Анурин В.Ф. Экономическая стратификация: аттитюды и стереотипы сознания // Социологические исследования. – 2015. – № 1. – 104 – 115.

20. Афанасьев Ю.Н. Россия – несовременная страна // Свободная мысль. – 2014. – № 11. – С. 7 – 9.

21. Бадовский Д.В. Модернизация России // Россия в глобальной политике. – 2012. – № 3. – С. 122 – 128.

22. Балабанова А.С. Социальное неравенство: факторы углубления // Социальные исследования. – 2013. – № 7. – С. 15 – 27.

23. Балабанова А.С. Средний класс как объект исследования российских социологов // Общественные науки и современность. – 2014. – № 5. – С. 45 – 51.

24. Балацкий Е.В. Индексы социального неравенства // Мониторинг общественного мнения. – 2017. – № 9. – С. 122 – 128.

25. Беляева Л.А. Социальные слои в России: опыт кластерного анализа // Социс. – 2015. – № 12. – С. 57 – 64.

26. Беляева Л. А Материальное неравенство в России. Реальность и тенденции // Социс. – 2016. – № 11. – С. 29 – 41.

27. Березин И.И. Социальная дифференциация в переходный период // Вопросы экономики. – 2013. – № 12. – С. 37 – 41.

28. Беляева Л.А. Социальная стратификация и бедность в регионах России // СОЦИОС. – 2016. – № 3. – С. 52 – 63.

29. Бобков В.Д. Российская бедность: измерение и пути преодоления // Общество и экономика. – 2016. – № 3. – С. 58 – 66.
30. Бурдые П. Социология политики. М.: Наука, 2013. – 327 с.
31. Варшавский А.Е. Проблемы взаимного изменения основных составляющих социальной стратификации при шоковых воздействиях // Экономика. – 2015. – № 3. – С. 3 – 22.
32. Воронкова О.В. Государственная политика регулирования уровня бедности населения в России и других странах // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 74 – 81.
33. Гешман Б.А. Неравенство доходов и экономический рост: теоретический обзор // Экономика. – 2017. – № 2. – С. 2 – 30.
34. Горшков М.К. Влияние кризиса на ситуацию с бедностью в стране // Общество и экономика. – 2016. – № 9. – С. 78 – 114.
35. Горшков М.К. Социальные и неравенства и социальная политика в современной России. М.: Наука, 2016. – 423 с.
36. Гусев А.А. Имущественная дифференциация населения: методы и оценки // Проблемы теории и практики управления. – 2016. – № 5. – С. 123 – 130.
37. Добаев И.Р. «Новый терроризм»: глобализация и социально-экономическое расслоение // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – № 5. – С. 114 – 120.
38. Добренков В. И. Социальная структура и стратификация. М.: Академия, 2014. – 289 с.
39. Дыльнова Т.В. Социальная справедливость и социальное неравенство в условиях современной России // Вестник РУДН. – 2015. – № 7. – С. 161 – 168.
40. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Инфо-М, 2014. – 271 с.
41. Заславская Т.И. Современное российское общество: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность. – 2015. – № 5. – С. 5 –

- 19.
42. Заславская Т.И. Проблемы развития социальной структуры российского общества // Социальные исследования. – 2012. – № 3. – С. 191 – 201.
43. Заславская Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социс. – 2014. – № 8. – С. 3 – 11.
44. Зорькин В.Д. Социальное государство в России: проблемы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 1. – С. 10 – 17.
45. Ильин А.А. Государственная поддержка малого и среднего бизнеса // 2015. – № 5. – С. 52 – 57.
46. Кислицина О.А. Неравенство доходов в странах с переходной экономикой // Народонаселение. – 2015. – № 2. – С. 34 – 38.
47. Коваленко В.И. Проблемы трансформирующейся демократии в условиях новых вызовов // Вестник МГУ. – 2014. – № 2. – С. 10 – 19.
48. Красилова А.Н. Социальный капитал как инструмент анализа неравенства в российском обществе // Мир России. – 2015. – № 4. – С. 160 – 180.
49. Кривошей В. В. Неравенство населения по доходам: количественные оценки // Проблемы теории и практики управления. – 2015. – № 9. – С. 22 – 27.
50. Крыштановская О.А. Анатомия российской элиты. М.: Инфа-М, 2015. – 384 с.
51. Кустарев А.А. Равенство и неравенство // Вестник Российской академии наук. – 2014. – № 5. – С. 26 – 33.
52. Кутепова Н.П. Поддержка малого бизнеса как способ решения социальных проблем // Человек и труд. – 2014. – № 9. – С. 71 – 78.
53. Лежнина Ю.П. Социально-демографические факторы, определяющие риск бедности и малообеспеченности // Социс. – 2016. – № 2. – С. 36 – 45.
54. Леонов И.В. Правовое социальное государство: трудности становления // Полис. – 2015. – № 1. – С. 18 – 26.
55. Лепехин В.А. Стратификация в современной России и новый средний

- класс // Общественные науки и современность. – 2013. – № 4. – С. 30 – 40.
56. Малевая Т.М. Бедность: альтернативные подходы к измерению. М.: Наука, 2016. – 188 с.
57. Мареева С.В. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России: Социология, этнология. – 2016. – № 2. – С. 37 – 67.
58. Меркулова Т.В. Экономический рост и неравенство: институциональный аспект и моделирование взаимосвязи // Мир России. – 2013. – № 2. – С. 59 – 77.
59. Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социс. – 2015. – № 1. – С. 45 – 50.
60. Мэннинг М. Неравенство в России: последствия 1990-х годов // Мир России. – 2012. – № 3. – С. 132 – 146.
61. Овсянникова Т.А. Неравенство качества и уровня жизни населения // Уровень жизни населения регионов России. – 2017. – № 5. – С. 3 – 8.
62. Овчарова Л.Н. Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность. М.: НИСП, 2013. – 154 с.
63. Опрос показал, чего ждут россияне от 2018 года [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://news.rambler.ru/community/38684832-opros-pokazal-chego-zhdut-rossiyane-ot-2018-goda/> (дата обращения 15.12.2017).
64. Осипов Г.В. Социология и общества. Социологический анализ российской смуты. М.: Наука, 2014. – 271 с.
65. Панферова В.В. Социальная стратификация // Социально-политический журнал. – 2012. – № 5. – С. 92 – 104.
66. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Дрофа, 2012. – 412 с.
67. Радеев В.В. Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Наука, 2014. – 237 с.
68. Римашевская Н.Н. Экономическая стратификация населения России // Общество и экономика. – 2012. – № 12. – С. 6 – 14.

69. Родионова О. В. Социальная функция государства: правовая сущность и проблемы субъектов ее осуществления на современном этапе // Государство и право. – 2016. – № 8. – С. 98 – 100.
70. Россия в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2016. – 543 с.
71. Рывкина Р.А. Социальные неравенства в постсоветской России // Свободная мысль. – 2014. – № 5. – С. 82 – 92.
72. Семененко И.С. Социальное неравенство в зеркале публичной политики // Полис. – 2017. – № 5. – С. 172 – 181.
73. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 2016. – 274 с.
74. Сорокин А.Р. Коррупция как препятствие на пути создания социального государства // Общество и экономика. – 2015. – № 7. – С. 56 – 60.
75. Сорокин П. Человек, цивилизация, общества. М.: Академия, 2014. – 431 с.
76. Социальное положение и уровень жизни России. 2015: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2016. – 311 с.
77. Тихонова Н.Е. Малообеспеченные в современной России: специфика уровня и образа жизни // общественные науки и современность. – 2015. – № 10. – С. 29 – 40.
78. Чеснокова В.А. Из истории изучения социальной стратификации и социальной мобильности (П. Сорокин, У. Уорнер) // Социс. – 2016. – № 5. – С. 81 – 123.
79. Шевнина Л.И. Организационно-правовые потребности населения в социальном обеспечении // Социальное и пенсионное право. – 2013. – № 1. – С. 5 – 10.
80. Шевяков А.М. Измерение экономического неравенства. М.: Наука, 2015. – 320 с.
81. Шевяков А.Ю. Неравенство и формирование новой политики государства // Вестник Российской академии наук. – 2017. – № 4. – С. 304 – 316.
82. Шкаратан О.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы:

сравнительный анализ. М.: Инфа-М, 2012. – 140 с.

83. Шкаратан О.И. Воспроизводство социально-экономического неравенства в постсоветской России: Динамика уровня жизни и положение социальных низов // Полис. – 2015. – № 4. – С. 60 – 89.

84. Щербаков Д.И. Неравенство качества и уровня жизни населения // Уровень жизни населения регионов России. – 2015. № 5. – С. 3 – 35.

85. Юдина О.А. Численность и демографические особенности среднего класса в разных типах российских городов // Полис. – 2014. – № 8. – С. 79 – 103.

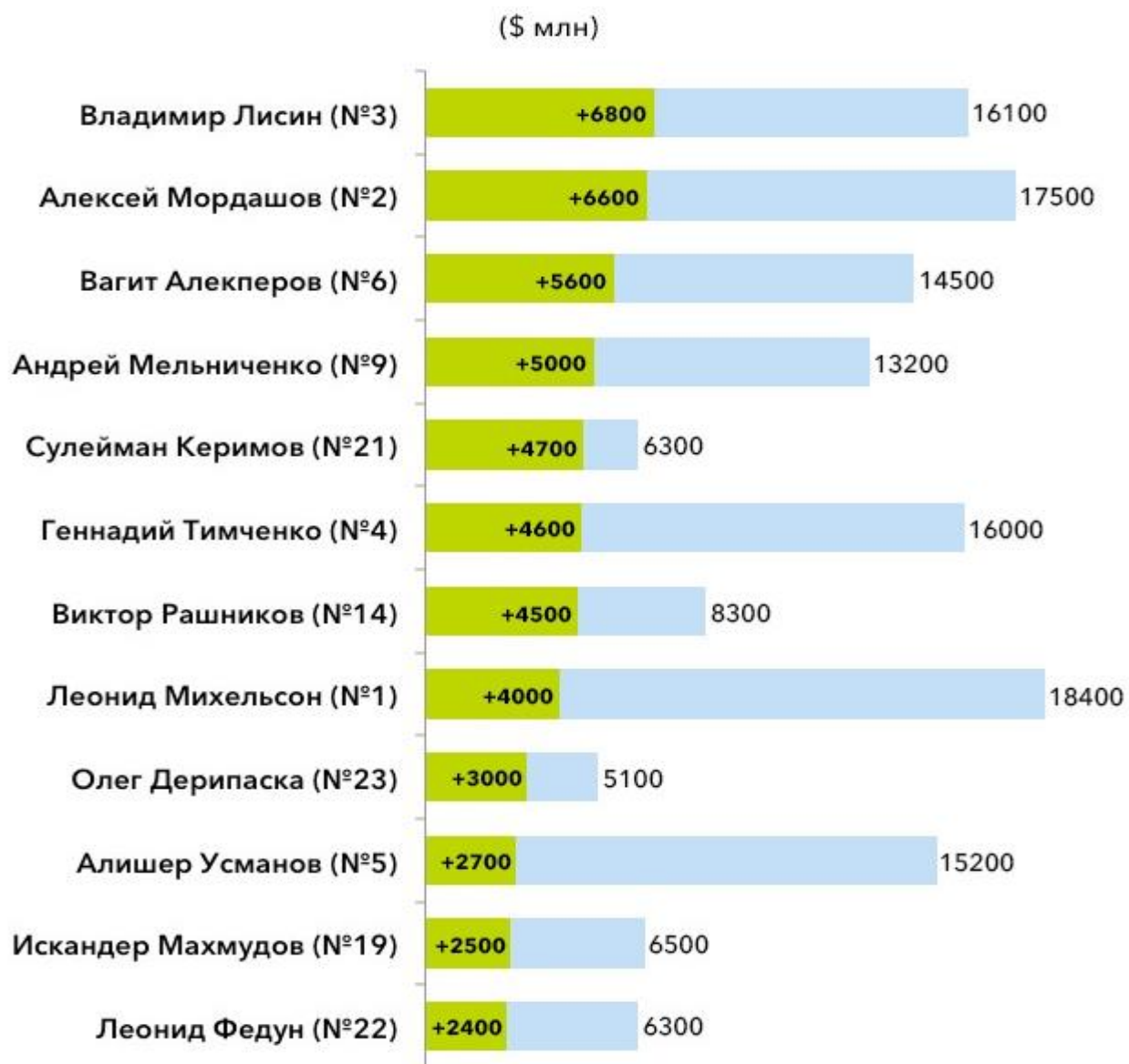
86. Ярошенко С.С. Четыре социологических объяснения бедности (Опыт анализа зарубежной литературы) // Социс. – 2016. – № 7. – С. 34 – 42.

87. Ядов В.А. Социология в России. М.: Инфа-М, 2013. – 381 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

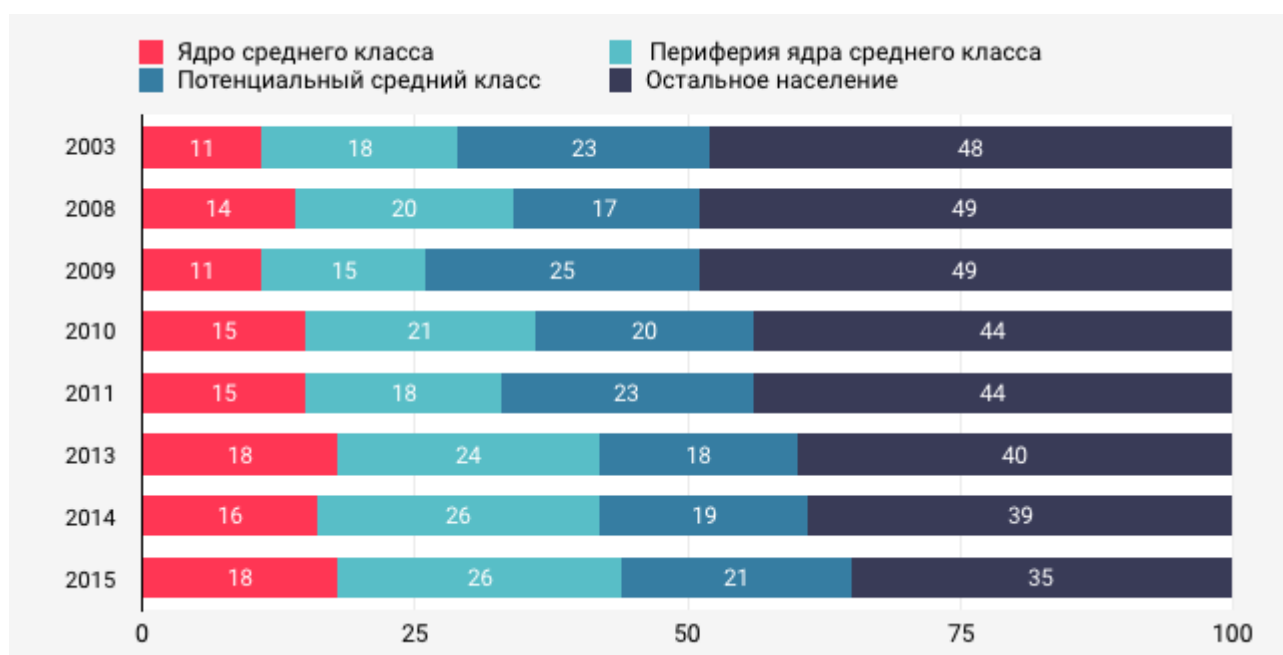
Приложение А

Кто больше всех разбогател в списке Forbes в 2017 года



Приложение Б

Динамика численности среднего класса в России в 2013 – 2015 годах



Приложение В

Как соотносятся зарплаты с прожиточным минимумом в российских городах

